

A romantic couple embracing in a field of red poppies. The man is shirtless and has his arms around the woman, who is wearing a white tank top. They are surrounded by large, vibrant red poppies. The background is a soft, warm glow.

ОПИУМ

Вечность ПОСЛЕ
МАЛЬЦЕВА ВИКТОРИЯ

18+

Виктория Мальцева

Опиум. Вечность после

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57579566

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04246-9

Аннотация

Он называл её Опиум, потому что его любовь к ней была похожа на одержимость. Он нарисовал на своей груди татуировку мака, идеальную копию её цветка – символ бессмертия их чувства. Он обещал ей дом на берегу реки, детей, процветание и высокие стены его защиты и заботы. И он всё это дал... но не ей. Семейная тайна разбила все их надежды и мечты, открыв непреодолимое препятствие – им нельзя. Пути Господни неисповедимы, однако счастье каждого человека – в его собственных руках. Вторая книга серии "Опиум". Запретное.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Первая встреча «после»	16
Глава 2. Любовь	23
Глава 3. Состоявшаяся первая встреча «после»	28
Глава 4. Кто мы?	38
Глава 5. Табу	43
Глава 6. Есть ли ответы у сложных вопросов?	56
Глава 7. Давай сбежим на остров?	62
Глава 8. Разочарования	78
Глава 9. Упасть и не подняться	86
Глава 10. Четыре месяца спустя	91
Глава 11. Что такое забота?	98
Глава 12. Дружба	103
Глава 13. Санта-Барбара	109
Глава 14. Вспышки разума и сияние надежды	122
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Пролог

«Табу, табу», – бормотали непослушные губы нещерного человека. И он, болтая своими длинными ручищами, покорно плёлся выполнять повеление вождя, с трудом подавляя в себе огромное желание огреть вредного старикана каменным молотком.

Одним из первых и самых строгих табу в истории человечества был запрет на кровосмешение.

Елена Лобачёва

Дамиен

В тот день мы оба постарели лет на десять, и далеко не сразу поняли, что уже никогда не станем прежними.

– Помнишь ту женщину, которой ты в четыре года заявил, что твоя мать шлюха? – спрашивает отец.

Чёрт... Да, я это помню. Один из самых больших конфузов в детстве: бабушка часто повторяла своим соседкам, что её сыну не повезло – он нарвался на шлюху. Шлюха бросила ребёнка – меня, и уехала в неизвестном направлении. Точнее, направление было известно: к другому кобелю. Надо сказать, бабка моя была довольно авторитарным и безапелляционным человеком – всю жизнь проработала на стройке прорабом, фактически под её началом возведена едва ли не половина Ванкувера. Ну, если верить тому, что она говорила.

– Помню, – отвечаю ему, – это была Энни. И ты посадил

меня в чулан на три часа, а Энни плакала и уговаривала выпустить, – делюсь с отцом своими самыми ранними воспоминаниями.

Всё это вышло из-за игрушечной машины – модели чёрного Мустанга. Энни, приехавшая в очередной раз к отцу, спросила, нравится ли мне моя игрушка, и я ответил ей, что мне её подарила шлюха. На самом деле, я даже не знал значения этого слова, однако догадывался, что это нечто нехорошее. Энни хлопала глазами, как кукла, потом спросила:

– Как ты сказал?

И я ответил:

– Это подарок на Рождество от моей матери.

И добавил:

– Шлюхи!

Энни буквально взорвалась рыданиями и выскочила в ванную, отец взбесился, а я был горд собой – Энни мне не нравилась. А бабушка, с которой я проводил большую часть своей жизни, считала, что все женщины – «хитрые твари, ищущие выгоды и приключений». Собственно, эту мысль она и вбивала в мою голову примерно до полных моих восьми лет, пока скорострительно не умерла от рака. В том же году, только двумя месяцами позднее, Энни и её дочь Ева поселились в нашем доме. Я очень жалел, что бабушка умерла – такие перемены могли бы стать крайне весёлым событием, будь она жива! Бабуля могла кого угодно сжить со свету, будь это соседка-кошатница или новая жена её сына.

Поднимаю глаза на отца, совершенно не понимая, к чему он ведёт, но уже ощущая каждой фиброй своей души близость катастрофы. Она уже струится по моим венам, уже разгоняет сердце, уже затмевает разум.

Наконец он это произносит:

– Ты сказал это своей матери, Дамиен. Женщине, с таким трудом выносившей тебя и давшей жизнь вопреки всем сложностям.

У меня не сразу получается осознать сказанное. Вернее, мозг лихорадочно ищет то место, куда могла бы закрасться ошибка. Это ведь ошибка – то, что он говорит, мой отец.

– Что? – переспрашиваю.

– Энни – твоя мать. Твоя биологическая мать. Твоя родная мать.

В это мгновение меня бросает в жар. Я всё ещё цепляюсь за логику, в голове мелькают вариации объяснений происходящего.

– Если Энни моя мать, то кто тогда родители Евы?

– Ева... твоя сестра-близнец, Дамиен. У неё те же родители, что и у тебя.

Он серьёзен, мой отец. Он не шутит.

Слова, произнесённые им, навсегда изменят мою жизнь. Перевернут её с ног на голову, схватят за горло и долгие годы будут душить. Слова, которые изувечат мою душу, заставив выбирать между долгом, моралью и чувствами. Слова, из-за которых я наделаю массу ошибок, и многие из них окажутся

непоправимыми.

У меня темнеет в глазах. Отец продолжает говорить, но я едва его понимаю.

– У нас с Энни родилась двойня. Ева появилась на свет первой и весила почти на килограмм больше тебя. Ты был вторым и... мёртвым. Ты родился мёртвым, Дамиен.

Мне плевать каким я родился. В данный момент я ничего не вижу. Я, чёрт возьми, не могу сделать вдох: какое мне дело до того, кто был первым, а кто вторым?

– Энни только исполнилось девятнадцать, и она была худой, слабой, вся словно просвечивалась. Эти её запястья в тонких синих прожилках, живот, грудь – я до сих пор забыть не могу и не понимаю, как она вообще смогла пройти через всё это до конца! Она едва не умерла в родах, а ты назвал её шлюхой, Дамиен!

После этой фразы шум, резонирующий в моей голове, наконец, создаёт взрыв. Я вскакиваю на ноги, хватаю отца, протирающего салфеткой красные глаза, за дорогую рубашку и сквозь какофонию своих беспорядочных мыслей отчётливо слышу, как трещит и разрывается её ткань, как лопаются нитки.

– Что ты сказал? Повтори ещё раз: Ева мне кто?

– Сестра... сестра-близнец...

Он произносит это таким спокойным тоном, как нечто обыденное, обыкновенное. Как нечто само собой разумеющееся и не требующее осмысления.

– Отпусти мою рубашку, Дамиен! – приказывает уже более грубо, даже угрожающе.

Но Дамиена больше нет. Дамиен уничтожен. Есть только безумец, растерянно пытающийся найти выход из окружающего его хаоса, уцепиться за нить, ведущую в адекватную реальность.

Девушка, которую я люблю, женщина, с которой у меня столько раз была близость, которую видел своей женой и матерью своих детей, человек, от которого я вот уже год не могу оторваться – моя родная сестра-близнец?

Ева

– У вас одни родители, одна кровь! Я не знаю, как ещё тебе объяснить это, Ева! – мать почти орёт. Визжит, как белка.

Мгновения мы смотрим друг на друга в упор. Мне кажется, что в моих венах лёд: часть меня уже всё поняла, но другая отказывается верить, принимать.

– Вы с Дамиеном родные брат и сестра! – повторяет.

А для меня эти слова всё равно, что нож гильотины. Ещё раз голова с плеч, и только звон в ушах. Странно, что я всё ещё способна дышать.

Мир остановился. Время впервые в истории Вселенной прекратило свой ход, сделав это исключение для одной очень маленькой девочки, почти микроскопической, чтобы дать возможность её огромному, переполненному чувственной привязанностью сердцу осознать невероятное.

Невозможное.

Недопустимое.

То, что разрушит её мир, разобьёт все до единой мечты и на годы повергнет в глубочайшую яму депрессии.

Перед глазами Дамиен, крушащий кухню, разбивающий посуду, технику, ломающий мебель. Фатальные удары металлического барного стула о гранит стойки и белые дверцы шкафчиков. Посудомоечная машина помята, холодильник открылся, не выдержав побоев, и растерял содержимое, тонкий экран телевизора – вдребезги.

Но главное – взгляд: затравленный, болезненный, не взгляд – крик. Отчаянный душевный вопль. Блеск слёз в глазах.

И его слова родителям:

– Я ненавижу вас обоих! ОБОИХ!

Сказал, будто проклял их.

Проклял.

И боль, моя ни с чем не сравнимая боль в тот момент, когда он шарахнулся от меня, отступал, пятился к двери, глядя в глаза. В последний раз глядя.

Мой Дамиен. Мой брат.

Есть в человеческой способности мыслить такое явление, как логика, и вот моё стремительно тонущее сознание пытается за неё цепляться, стараясь найти отдушину, лазейку, нечто, хоть что-то, дающее надежду:

– Это невозможно! Мы рождены в разные дни, ты не мог-

ла родить одновременно от разных мужчин... если бы у нас была разница в возрасте, то тогда... а так... Ты всё это выдумала! Я знаю, вы не хотите, чтобы мы были вместе, только я не понимаю почему! За что вы нас так ненавидите?

Я рыдаю, у меня истерика. Мать пытается обнять, утешить, её ладони на моих руках, голове, спине – они повсюду, их цель – создать для меня спасительный кокон, который пусть не убережёт от боли, но, по крайней мере, поможет её пережить:

– Ева, вы близнецы... Ты родилась первой, а Дамиен – всего на двадцать три минуты позже, но уже в другой календарный день, понимаешь?

Понимаю ли я?

Не знаю, сколько времени прошло, но тогда мне казалось, это была вечность. Впадина безвременья, разделяющая настоящее и прошлое, любовь и бесконечную бездну потрясения. Голос матери, нежный и, как никогда, спокойный, вынимает меня из забвения:

– Мне было шестнадцать, когда я впервые встретила Дэвида, в семнадцать мы стали парой, а в девятнадцать, порушив все наши планы, у нас родилась двойня. Спустя ещё год, в двадцать, мы поженились, хотя фактически уже были семьей. Нам обоим было нелегко: слишком рано появились дети, слишком много ответственности и слишком мало опыта. Дэвид устроился работать на фабрику картонных коробок, после на завод индейки... Он возвращался поздно, и я на-

зывала его «куриным папой», но он никогда на меня не обижался. Всегда был рядом, всегда на моей стороне.

Со вздохом:

– А потом появился Лео. Как тайфун, как отпуск, как освежающий мохито. Это было одно из моих первых прослушиваний: вам с Дамиеном исполнилось уже около года, и мне удалось пристроить вас в дотируемый провинцией детский сад. Я знала, что эти чувства неправильны, ненавидела себя, страдала, мучилась, но ничего не могла с собой поделать! Он не был похож ни на кого вокруг: красивый, статный, воспитанный, умный. Мы подолгу смотрели друг на друга, подолгу не могли оторвать глаз, это была магия, самая настоящая непреодолимая сила, и ни один из нас не был способен ей противостоять. Мы пытались, Ева, мы пытались. Рвали отношения, но не выдерживали больше недели. В итоге, Лео выдвинул ультиматум: если не уйду от мужа, вашего с Дамиеном отца, он покончит с собой. И это было похоже на правду, потому что в его взгляде было безумие. Дэвид не устраивал сцен, не грозился никого убить, тем более себя. Он поставил только одно условие: полнейшее моё исчезновение из его жизни, и один из детей остаётся с ним. Мы решили вас разделить, рассудили, что мальчику будет лучше с отцом, а девочке – с матерью. Дэвид был... морально уничтожен и молод. Он попросил меня не рвать ему душу и не общаться, решил разделить семью и поставить точку.

Мать снова вздыхает, и по дрожи в её вздохе я осознаю,

что она плачет, рассказывая всё это.

– Мы оба были слишком молоды, слишком, Ева. Мы не просто ошибались, а валяли дурака. Конечно, план был изначально провальным, потому что уже через пару месяцев я взвыла от тоски по второму ребёнку, по сыну. Но Дэвид был категоричен и требовал дистанции.

Она не выдерживает и срывается в рыдания. Несмотря на весь мой транс и ощущение гадкого сна, который вот-вот рассеется, уступив место ясному дню, я слышу, чувствую те особенно трепетные эмоции матери, когда она произносит слово «сын». Мне и раньше было очевидно, что я не имею веса в нашей пришибленной семейке, но теперь всё становилось на свои места.

Перед глазами снова Дамиен и его экспрессивное «НЕНАВИЖУ».

Кажется, я тоже ненавижу. Обоих.

Но мать слишком занята своими воспоминаниями и переживанием давно ушедших событий, чтобы понимать это:

– Только спустя два года твой родной отец сдался и позволил мне видеться с Дамиеном. Тебе исполнилось четыре, когда он приехал в Брисбен, чтобы навестить тебя, но... но ты была так привязана к Лео! Ты боялась мужчин и признавала только отца... неродного, – всхлипывает. – А родного не приняла, не согласилась даже подойти к нему, не захотела подарков, смотрела исподлобья и требовала уйти.

Снова всхлипывает:

– Сердце Дэвида разбилось в тот день, Ева. Мы оба поняли, какую глупость совершили. Я была виновата больше, конечно, но вся эта идея разойтись и никогда не встречаться целиком принадлежала ему! И он понял, что натворил, но уже было поздно.

Внезапно мать хватает меня за плечи и разворачивает к себе:

– Ева, Дэвид безумно любил тебя, когда ты была совсем крошкой! Он не отказывался от тебя, он просто... просто мстил мне, наверное, потому что самому было очень больно! Молодость не дала ему возможности избежать ошибки, страшной ошибки! В тот момент я возненавидела его за такое решение, и только годы спустя смогла понять: он пытался защититься от боли. Ему было очень больно, хоть я и не видала этого в момент нашего расставания, потому что он был слишком горд, не показывал, как внутри у него всё горело. И в этом пылу он принимал не слишком мудрые решения.

Со вздохом:

– После смерти Лео, как ты знаешь, на нас обрушились чудовищные финансовые проблемы, и когда Дэвид предложил помощь, у меня не было выбора. Просто не имелось никакого другого выхода, кроме как согласиться. И мы с тобой вернулись в Ванкувер, в дом Дэвида. Он очень много работал, Ева, и сейчас продолжает это делать, чтобы дать своим детям – вам с Дамиеном, всё лучшее, что может. Потому что он ваш отец и любит обоих. А перед тобой у него чувство

вины за то, что не справился со своими эмоциями, что отвернулся от тебя, что не был рядом, что вовремя не придал должного значения проблеме, когда вы с Дамиеном едва не поубивали друг друга, что ты жила вдали от семьи столько лет. У нас сложилась очень непростая ситуация, но он пытается найти выход. Мы с ним вместе решили, что лучшее, что можем сделать, это помочь вам принять друг друга. Ведь то, что вы творили, было каким-то сумасшествием, Ева! Но ни Дэвид, ни я и подумать не могли, что вы можете... могли бы понравиться друг другу не как брат и сестра, а как...

– Мужчина и женщина, – завершаю за неё и сама не узнаю свой голос.

Я онемела: мёртвое тело, пустая душа. Во мне нет жизни. Больше нет. И, кажется, уже никогда и не будет.

Когда твой мужчина уходит к другой, ты страдаешь от предательства.

Когда он умирает, ты винишь в своём горе злой рок.

Но когда вы оба падаете в колодец чувства, у которого нет дна, и успеваете познать абсолют в близости, а ОН вдруг оказывается не просто родственником, а родным по крови братом, ты просто немеешь. Твои мысли, ячейки в сером веществе не способны уместить, обработать и выдать соответствующую эмоцию. Вместо этого ты получишь всё сразу, как только отпустит шок.

И вот тогда ты захлебнёшься болью, от которой уворачиваться бесполезно – она ползёт отовсюду, из каждой щели.

«А любовь помогает жить наперекор всему»

Глава 1. Первая встреча «после»

Alexis Ffrench – Bluebird

Сегодня мы увидимся впервые.

Три года прошло. Три. Тысяча дней осознания, отрицания и попыток «принять».

Мать, наконец, решила собрать всю семью за ужином: великий семейный обед с традиционным барбекю, печёной кукурузой и десятком иных заумных блюд, потому что теперь у неё новое увлечение – кухня.

Я ненавижу готовку, и так было всю мою жизнь. Всё, что от меня требуется – это пара лишних рук, способных помыть, почистить, нарезать. Это не сложно и вполне доступно для меня, только вот руки с самого утра трясутся.

На самом деле, сегодня не первая наша встреча. Была ещё одна, почти сразу после разрыва, но встречей её вряд ли можно считать, потому что мы не встречались.

Три года назад

Первые дни я живу в тумане. Странное состояние отупления, приглушённости чувств и эмоций, отсутствие желаний, включая базовые – мой новый мир. Человек, успевший стать не просто частью моей жизни, нет, он стал ею целиком – мой родной брат. Больше того, мы близнецы, а это означает, что наши крохотные клетки начали расти бок о бок: день за днём, неделю за неделей мы были рядом и превращались

из зародышей в детей. Не удивительно, что меня всегда так сильно тянуло к нему, ведь с момента появления моего первого атома в этой Вселенной я была не одна, нас было двое.

Братья и сёстры не могут создавать пары, между ними не возникает чувств, любовь невозможна, секс запрещён, и даже мысли о нём развратны.

Существуют препятствия и преграды, которые можно научиться преодолевать, а есть данность, не оставляющая вариантов.

Мы никогда не сможем быть вместе. НИКОГДА.

Моя мораль сдала позиции на шестой день после дня X. Точнее, это произошло сразу же, как родные отец и мать улетели обратно в Бостон, клятвенно пообещав вернуться в самое ближайшее время и уже насовсем. Я мысленно пожелала им навсегда оставаться в Бостоне и никогда не возвращаться.

Разум проиграл решающую битву сердцу, и мой коллапс случился в комнате Дамиена, на нашем... его матрасе. Я сидела, обнимаясь с его подушкой и выла в голос. Эта подушка была спрятана в шкафу мною же накануне в день большой стирки, затеянной матерью, чтобы уничтожить запахи и следы наших тел на простынях и наволочках, футболках и прочем белье, но не наши воспоминания.

За дни душевных мук, терзаний и попыток принять наше «родство» я так и не смогла увидеть в нём брата. Дамиен остался для меня желанным мужчиной, о котором теперь я знала, что в наших венах течёт почти одинаковая кровь.

За три дня до этого матери потребовалась уборка в его комнате.

Robyn Sherwell – Landslide

Корзина с бельём Дамиена, приготовленная для стирки, вызвала очередной приступ истеричного, но беззвучного рыдания. В тот же день, в тот самый раз, из той самой ненавистной корзины я украла его футболку: обычную белую из плотного трикотажа – именно такие мать покупала для своего родного сына в Костко. Мне всё равно, где её приобрели, и сколько она стоила, какого качества ткань и насколько моден крой, главное, чего искала моя истерзанная душа – утешения. И в этом клочке однажды ношенной мужчиной ткани сохранился его запах. Но не только: Дамиен серьёзно порезался накануне приезда родителей, мы обрабатывали и перевязывали рану, но кровотечение было настолько сильным, что он испачкал футболку. Именно её я и выбрала из кучи нестиранного белья, хорошо помня о том, что именно Дамиен оставил на ней. Как будто специально для меня.

Вначале я только смотрю на пятно, давно ставшее коричневым, осознавая, что это не просто его кровь, а такая же точно, как моя. И только неделю спустя решаюсь коротко прикоснуться мизинцем. Настанет день, когда мои губы впервые поцелуют его, медленно и нежно, и будут дни, когда я повторю это снова. Мне придётся прятать эту футболку много лет: вначале от матери, после – от себя и, в конце концов, от собственного законного мужа. В минуты невыно-

симой тоски и отчаяния она неизменно станет спасти мою слабую волю и истерзанную душу от дурных мыслей. Я буду спать в ней в пору одиночества, нюхать и обниматься тайком от осуждающих глаз людей, являющихся близкими, но, по сути, всегда остававшимися чужими.

И я всегда буду помнить о нём. О наших днях, ночах, закатах и рассветах, прочтённых вместе книгах, взаимных ласках и эротических забегах, о сотнях выпитых вместе чашек кофе, съеденных за одним столом обедах, ужинах и завтраках. Я буду годы напролёт засыпать, закрыв глаза и слишком хорошо представляя улыбающееся лицо на соседней подушке, взгляд с прищуром, обещающий жаркую ночь или захватывающую идею о том, как вместе провести уикэнд. Я тысячи раз переберу в голове все наши планы, нарисованные картины общего дома, его обустройства и придуманного вместе дизайна комнат и душевых, заднего двора с детской площадкой, большой, потому что детей мы хотели много...

Лишившись Дамиена, я потеряла гораздо больше, чем парня, друга, любовника, мужчину. Нет, всё оказалось гораздо хуже: я утратила единственный ориентир.

У меня никогда не было целей, я ни о чём не мечтала, проживая каждый новый день своей жизни ради самого этого дня. Я шла в школу для того, чтобы встретить друзей, послушать длинные увлекательные истории мисс Брукфилд о беспокойных днях её далёкой молодости, упущенных возможностях и встреченных людях, преимущественно муж-

ского пола, узнать немного полезной информации по географии Австралии, о физической природе метеорита и способе вскармливания детёнышей кита. Мне и в голову не приходило учиться для того, чтобы стать образованной, добиться признания и уважения в обществе или получить более широкие возможности в выборе профессии.

Я никогда не знала, кем хочу стать, какому делу себя посвятить, и даже более того, подобные вопросы не имели обыкновения появляться в моей голове.

Каждый новый день начинался с чашки травяного чая, сладкой булки, испечённой Агатой накануне, короткой, но тёплой утренней беседы с ней же и долгого, но такого любимого мною пути вдоль тёплого океана в школу, когда тебе не нужно нестись сломя голову, чтобы успеть на пришедший раньше графика автобус, или, дрожа от страха и потя не только ладонями, но и теми местами, которыми в принципе невозможно потеть, вести личное авто до платной школьной парковки.

Я просыпалась, чтобы прожить свой день. О дне завтрашнем думать обычно случалось не раньше, чем завтрашним же утром.

Hozier – Work Song

А вот неугомонный Дамиен всегда был одержим идеями и мечтами, которые все до единой перевоплощались в чёткие и вполне достижимые цели. Он хотел чёрный, как ворон, Мустанг – получил его. Задумал стать лучшим гонщиком –

стал. А идея ресторана с простым, но эффектным названием «Fog you only», переросла в популярное и, что самое главное, финансово успешное заведение, и девятнадцать неопытных юных лет не стали в этом помехой.

Если бы жизнь не отняла Дамиена, у меня была бы семья, и обязательно родились бы красивые и умные дети. Если бы он был рядом, я бы окончила колледж и стала адвокатом. Если бы Дамиен оставался моим на протяжении всей последующей жизни, я прожила бы её личностью с целями, мечтами и достижениями.

Я прожила бы её.

Если бы...

Спустя месяц не выдерживаю и пишу ему первой:

«Дамиен, привет. Надеюсь, у тебя всё хорошо? Я думаю, нам нужно поговорить».

Ответ получаю только спустя сутки:

«Прости меня. Я не могу. Мне нужно время».

Сутки ушли у него на то, чтобы написать мне 8 слов. Сутки, в которых 24 часа, то есть это по слову даже не в час, а каждые три. Всё это время он думал, что мне ответить.

Он борется с собой, ему больно, ему тяжело, он страдает в одиночку, вдали от всех. Или же его настолько тошнит от мысли, что мы не просто совершили инцест, а жили как муж и жена, будучи самыми родными на свете людьми? Роднее не бывает. Может поэтому он и не может видеть меня? По этой причине сбежал? Из отвращения? Омерзения? Стыда

и сожалений?

Ещё через месяц я получаю от него сообщение:

«В нашем кафе? В аэропорту?»

Мне не нужны сутки, даже час не нужен: я отвечаю сразу.

«Хорошо, я приеду. Когда?»

«Завтра в час?»

«В семь».

«Хорошо».

Его взгляд прикован к одной точке – прозрачному стакану с содовой, в который он, по своему обыкновению, конечно же, добавил лимон. Он ждёт, но не оглядывается по сторонам, будто боится увидеть меня, столкнуться взглядом и лишиться себя последнего шанса остановить ЭТО.

Я смотрю на его согбенную широкую спину, плечи, склонённую над стаканом воды голову и вижу *моего* Дамиена. Вон там, над правым ухом, на три сантиметра выше, у него есть кривой шрам – моя отметина. А на лопатке его скорпионье «Д» окутано моим атласным алым «Е», олицетворяющим мою нежную любовь к нему. И на груди его, так близко к сердцу – наш «опиум», оставленный там в знак силы его чувств ко мне. Он весь в моих отметинах, целиком мой. И не мой. Никогда уже не будет моим.

В тот день я так и не смогла к нему подойти, совершив свою самую первую, но ещё не фатальную ошибку.

Глава 2. Любовь

James Bay – Let It Go

Мать нарезает овощи для салата, ловко орудуя специальным ножом из набора, подаренного Дамиеном. Он же научил её, как правильно работать с инструментами на кухне.

– Я была в прошлом месяце в Сиэтле по делам... ладно, не по делам, – улыбается, – а по делу: сына навестить. И застала в квартире девушку, красивую. Очень.

В сердце вонзаются шипы.

– Я было обрадовалась, пора уже ему пару себе найти, женщину. Давно пора... Ох! – вздыхает. – Он заплатил ей прямо при мне, не постеснялся.

Странное чувство – боль и облегчение. Хочется плакать и хочется смеяться. Нахожу на ладони точку и с силой вдавливаю большой палец, чтобы не рыдать. Чтобы сдержаться.

– Проститутка? – выдыхаю.

– Да. Но, видно, из дорогих. Он работает, хорошо зарабатывает. Открыл второй ресторан в этом году. Квартира большая, просторная, с модными сейчас прозрачными стенами. Знаешь, такими, через которые видно весь город, как на ладони, – восхищается.

– Панорамные...

– Да-да! Точно! Панорамные. Замечательный вид открывается на Сиэтл...

Её голос внезапно обрывается на моменте, где обычно следует нечто вроде «тебе обязательно стоит взглянуть»!
Материнская рука нежно поглаживает моё плечо:

– Всё образуется, Ева, вот увидишь. Всё наладится и встанет на свои места.

Я усиленно делаю вид, что давно уже пережила эту трагедию: всё в прошлом, всё позади.

– Вы общаетесь? – спрашиваю, хотя знаю, что да.

– Да. Часто. Он матерью меня назвал, Ева. Не так давно это случилось – полгода назад примерно. И дважды повторил! – расплывается в улыбке.

– Простил?

– Скорее, провёл переоценку ценностей и воспоминаний. Я ведь рядом всегда была. Почти всегда. Как и положено матери, – вздыхает.

Мы затихаем на время, каждая пытается справиться со своей собственной болью.

– Слушай, а он такой, оказывается, ласковый! – на её глаза наворачиваются слёзы. – Даже не верится... никогда не видела его таким, никогда... даже с Меланией.

Удар под дых.

– Ты его больше любила и любишь, я знаю, – выдвигаю претензию, чтобы скрыть свои истинные эмоции.

Мне больно. Мне со всех сторон больно!

– Нет, Ева. Не больше. Никогда не больше, но перед ним чувствовала вину, и она заставляла меня совершать порой

жестокие по отношению к тебе поступки. Если приходилось делать выбор, то он заведомо был в пользу сына, потому что однажды я его бросила. Нет более страшного преступления в жизни женщины, чем бросить своё дитя! – слёзы скатываются с её щёк одна за другой. – Мужчины – они другие, хотя Дэвид выпил своей горечи, но мы, женщины, привязаны к детям пуповиной. Страсть прошла, а боль и ужас содеянного остались.

– Я так любила отца, мам...

Мать обнимает, целует в лоб, чего не делала никогда раньше.

– Я знаю! Знаю! Жизнь полна парадоксов и странностей. Она жестока и многогранна, непредсказуема. Дэвид сдержанный, с виду холодный человек, но такие, как он, способны любить ещё сильнее. И он тебя любит, как и я. Мы оба любим, Ева!

И я вонзаю в её сердце нож справедливости:

– А ты его любишь, мам? Дэвида?

Но она с достоинством держит удар:

– Любовь бывает разной и по-разному рождается, дочь. Чаще её появление спонтанно, пронизано страстью и сумасшествием, даже одержимостью, но иногда она приходит тихо, возникает из, например, благодарности, как это вышло у меня. И она совсем не слабее, нет, она просто... другая! Не горячая, но глубокая, не страстная, но пронизанная взаимным уважением и доверием, не дикая-сумасшедшая, а муд-

рая, светлая, настоящая.

– Настоящая?

– Да, дочь. Настоящая. Много всего произошло в нашей жизни, прежде чем я сама это поняла. Дэвид – лучший мужчина, лучший человек, опора, которая всегда рядом. Он отец моих любимых детей и всегда был им, всегда оставался, что бы ни произошло! Именно это в мужчине главное – его надёжность.

Год назад

Моя жизнь утекала сквозь пальцы, пролетала мимо, не оставляя отметин. Как бы банально это ни звучало, но да: я не жила, я существовала, даже не заметив, как в моих никчёмных буднях появился мужчина.

– Ева, я думаю, нам нужно пожениться, – вкрадчиво ставит меня в известность Вейран о своём желании, будучи на пике душевного подъёма после очередного секса, который никогда не бывает таким, какой был с ним... с братом.

Так давно это было. Два года прошло, а кажется, будто целая вечность. Бесконечная, вялая, унылая вечность.

Это был скоропостижный брак, почти дикий в обществе, где теперь женятся одни только китайцы, потому что в Канаде в случае разрыва всё имущество подлежит справедливому разделу, даже если вы просто жили вместе. Парни стали требовать от девушек расписки об отсутствии претензий на жилплощадь и счета в банке. Честь, галантность и щедрость

больше не в моде и заменены брачными контрактами. Или договорами о сожительстве.

Мир сходит с ума, подавившись собственной материальностью.

Да, мой муж китаец. И мне это нравится. Никаких взрывных эмоций, стресса и мозгополосканий. Он не засматривается на других, другие не смотрят на него. Мир, покой, тишина. И общая квартира-кондо в новой высотке с видом на город.

Глава 3. Состоявшаяся первая встреча «после»

"Umbrella" by J2 [feat. Jazelle]

Стрелки часов неумолимо двигаются к страшной цифре «5».

Первым появляется Вейран и с перекошенным озадаченным лицом сообщает мне на ухо:

– У меня проблемы с животом, где можно уединиться?

– Что случилось?

– Попробовал новый японский ресторан во время ланча, – кривится.

Да-да, конечно. Японская кухня никогда не сравнится с китайской, где уж ей тягаться с четырьмя тысячами лет теории и практики. Эта песня мне давно известна.

– Поднимись наверх в мою комнату, помнишь, где она?

– Нееет, – стонет, прижимая ладонь к животу.

– Первая дверь слева. Синие стены только в ней, не ошибёшься. Может, тебе принести чего-нибудь? Воды? Коньяка?

Я иногда подтруниваю над ним: «Добродушное чудовище» – так называю собственного мужа. Вейран – программист в крупной компании, занимающейся созданием компьютерных игр. Когда-то он только тестировал работу других, но уже при мне получил повышение, а с ним и достой-

ную зарплату. Благодаря ей я могу не работать и тянуть с грехом пополам вторую часть своего юридического образования, которое, чувствую, скорее добьёт меня, чем я его. Учусь я из рук вон плохо, наука мне не даётся.

Не успевает Вейран исчезнуть на втором этаже, как входная дверь являет нам родню: сестру Дэвида, а значит, мою родную тётку Грэйс с дочерью Триш семнадцати лет и пузатым, облысевшим мужем в вечно поношенной одежде, хотя они никогда не бедствовали. Тётка холодно приветствует мою матушку, затем достаивает вниманием и меня:

– О, Ева! Ты похорошела! Располнела немного, но тебе это к лицу, детка. В женщине должна быть женщина! Ха-ха! Мужики не волки, на кости не бросаются! Хе-хе!

– Гм-гм, – прочищает горло её супруг Джеймс. – Энни, пока суд да дело до стола дойдёт... в горле совсем пересохло... – намекает.

Мать молча открывает бар, вынимает бутылку виски.

– Энни, голубушка, глянь внимательнее, там, кажется, должен быть коньяк – мы в прошлый раз не допили.

Мать покорно отыскивает нужную бутылку, наливает в полнейшей тишине, пока Грэйс нагло усаживается в гостиной перед телевизором, включает его, перебирая каналы и охая, что пропустит вечерний выпуск своего любимого ток-шоу.

– Одержимая женщина! – комментирует это представление Джеймс, слащаво улыбаясь моей матери.

Да, теперь мать много мне рассказывает: они не приняли её, ни свекровь, ни сестра мужа. Никто из семьи. Ни в юности, полной ошибок, глупости и эгоизма, ни в зрелости, когда пришла пора пожинать плоды. «Дэвиду всегда было наплевать на их мнение, и это – главное!» – с гордостью подытожила мать свой рассказ о семейных перипетиях.

Дверь снова открывается, и я вижу Дэвида, его лицо озабочено, но при виде меня губы растягиваются в улыбке:

– Здравствуй, Ева, – негромко приветствует. – А где Вейран?

– Эм... он занят по срочному делу... ненадолго. А что такое?

– Там Дамиен приехал, и мы с твоим мужем хотели расспросить его кое о чём. Это по поводу машины.

Я ощущаю биение своего сердца везде – в мозгу, ушах, висках, даже во рту.

– Позови его, пожалуйста. Лучше решить этот вопрос пока не стемнело.

Да, Дэвид и Вейран водят одну и ту же модель, и теперь это – главная тема их общения и обсуждений.

Подрываюсь наверх, чтобы поторопить мужа, мысленно благодаря Дэвида за мудрость: лучше познакомить этих двоих вдали от любопытных глаз. Проблемы с машиной, конечно, всего лишь предлог, повод сгладить эту встречу.

Мне везёт: Вейран уже моет руки.

– Вейран, отец ждёт тебя снаружи: Дамиен приехал. Ска-

зал, вы хотели спросить его о чём-то?

– А да: долбаная японка жрёт слишком много масла!

«Ну ещё бы! Купи китайскую и забудь о неприятностях!» – хмурюсь.

– Я собирался в автосервисе решить эту проблему, но Дэвид настаивает, что твой брат разбирается в Хондах лучше.

Что и требовалось доказать.

– Может, он и прав. Эти индийские автомастера... те ещё мастера! – сплёвывает воду.

Интересно, думаю, зачем он вечно полощет свой рот?

Мужской разговор длится так долго, что я напрочь извожусь. С утра руки просто тряслись, теперь их бьёт припадочный тремор. Мать это замечает:

– Ева, всё будет хорошо. Успокойся! – кладёт тёплую ладонь на мои ледяные сцепленные руки.

– У тебя есть что-нибудь от нервов? – спрашиваю.

Она задумывается на мгновение.

– Да, есть. Пойдём.

В их с Дэвидом спальне мать достаёт из ящика комода далеко спрятанный пакет, вынимает банку с незнакомой надписью.

– В Европе купила, там получилось без рецепта, – признаётся, вынимая для меня одну капсулу.

– Давай две! – требую.

– Их по одной принимают, – сообщает нерешительно, но посмотрев ещё разок на мои руки, меняет мнение. – Возьми

ещё одну, они всё равно не настолько сильнодействующие.

Я проглатываю, запивая водой из крана в ванной.

– Ева! – морщится мать. – Могла бы и на кухне!

Да уж, конечно, повеселить тётку и её муженька. Зачем вообще было их приглашать? Но тут палка о двух концах. с одной стороны, посторонние, а с другой, в массовке неловкость всегда сглаживается.

Мы возвращаемся в гостиную, но мужчин всё ещё нет.

– Уже половина шестого! – сообщает Грейс с недовольством. – Вот и шоу моё закончилось. Будем садиться за стол?

– Да, конечно, Грейс, – отвечает ей мать с натянутой улыбкой. – Вот только хозяина дождёмся.

Не успевает она договорить, как дверь открывается и входит Дамиен, за ним Дэвид и Вейран.

У меня предынфарктное состояние. Я знала, что будет тяжело, но не думала, что настолько. Смотреть страшно, но и в то же время дико тянет. Мой взгляд мечется: с Дэвида на Дамиена, и обратно. Я стараюсь дышать спокойно и сфокусироваться на ком-нибудь одном. На Дэвиде? Нет. На Дамиене? Нет... Но... на Дэвиде?

– Дамиен, руки можешь на кухне помыть или в гостевой внизу, в прошлом году мы сделали и в ней небольшую ванную.

Да, точно. Только теперь замечаю: руки Дамиена испачканы в чём-то чёрном. Наверное, автомобильное масло или что-нибудь вроде этого. Какая-то техническая хрень, в кото-

рой он пачкался и раньше, когда мы встречались. А запах бензина – один из вечных ароматов моего Дамиена.

Моего? Давно уже нет.

Наконец мать приглашает всех ужинать. Не успев сесть, я роняю вилку и, вынырнув из-под стола, чувствую на себе взгляд. Но смелости ответить не хватает, поэтому бросаюсь усердно протирать её салфеткой.

– Если хочешь, возьми новую, – комментирует мать.

Могла бы и не заметить! Чёрт.

Я бросаю один несмелый взгляд в ЕГО сторону и одно короткое, буквально микроскопическое мгновение мы смотрим друг на друга. Он сразу отводит глаза, но сердце успевает воткнуться мне в горло. Никаких шуток, я не могу дышать. Хватаю стакан с водой и пью большими глотками, надеясь протолкнуть это глупое сердце обратно, на своё место.

Дальше мы просто ужинаем. Мать нахваливает свои блюда, то и дело вставляя реплики о замечательном сыне, который научил её вот тому и вот этому, а ещё досрочно закончил учёбу в Университете и уже получил диплом по специальности «Режиссура».

– А что, ты теперь будешь фильмы снимать? – интересуется тётка.

– Посмотрим, – коротко отвечает Дамиен.

Он изменился. Его и не узнаёшь, и узнаёшь одновременно. Он больше не молодой горячий парень с дерзким беспокойным взглядом. Теперь он – смелый, знающий себе це-

ну мужчина. Мужчина, научившийся скрывать свои чувства: его лицо не выражает ни единой эмоции. Его позвали на ужин, и он ест, ему задают вопросы, и он отвечает, не давая при этом ответов.

– У тебя уже есть задумки по поводу первого фильма? – интересуется Вейран.

– У любого человека есть планы в деле, которым он занимается.

– А как с работой? Киностудии набирают молодых режиссёров? – не унимается тётка.

– Я над этим работаю, Грэйс, – отвечает, холодно улыбаясь, но даже от его неестественной улыбки тётка тает.

Я замечаю, что Триш разглядывает Дамиена слишком внимательно. Даже вызывающе. Браки между кузенами тоже запрещены, неужели она не знает?

Мой взгляд снова скользит в том самом направлении, и я вижу, что он смотрит на мою руку, сжимающую ножку бокала.

На моем пальце кольцо. Мы купили его на мосту Понте-Веккьо во Флоренции, по обеим сторонам которого расположены старинные ювелирные лавки. Не планировали, просто мимо шли, и Дамиен, заметив мой истинно женский заинтересованный взгляд, предложил зайти.

– Неет! – был мой нервный ответ.

Денег-то у самой не было, я и без того в том путешествии развлекалась целиком за его счёт.

– Ну же! – подталкивает меня к первой попавшейся двери. – Я же вижу, что хочешь!

И мой взгляд почти сразу находит его – кольцо с рубинами и чёрными бриллиантами, искусно имитирующими цветок мака.

– Опиум, – кивает продавец, одобрительно улыбаясь моему вкусу. – Цветок сна и смерти. Но у него есть и другой смысл – одержимость, страсть.

Корявый английский итальянца действует как заклинание:

– Попробуем? – заглядывает он в мои глаза.

– Нет! – отрезаю. – Мы только посмотреть!

– Да! – а вот Дамиен настроен серьёзно.

В тот день он сам надел это кольцо на мой безымянный палец. И когда я попыталась снять, остановил:

– Не снимай!

Затем, оторвав взгляд от действительно необычного украшения, добавил:

– Это моя предварительная заявка. Чтобы место застолбить, – криво улыбается, а в глазах странная тень.

Кажется, он чувствовал. Так сильно любил, дышал любовью, нами, что предвидел, знал, чем всё закончится.

Предварительная заявка стоила состояние: Дамиен расплачивался всеми своими картами и кредитной в том числе. Я вогнала его в долги, но выглядел он счастливым, как никогда. Потом, вечером из-за разницы во времени, ему звонил

Роялбанк, чтобы подтвердить покупку: слишком внушительной оказалась сумма.

Я возмущалась, не могла успокоиться до самого конца нашего отпуска, утомляя Дамиена своими причитаниями, пока он, наконец, не объяснил себя:

– Ты не понимаешь! Это как занять первое место в очереди, где тебе почти гарантированно достанется то, о чём ты всегда мечтал! Все вокруг завидуют твоему счастью и заглядывают через плечо, чтобы раздосадоваться ещё сильнее в собственной неудаче, а ты подпрыгиваешь на месте от нетерпения и даже встаёшь на носки, стараясь дотянуться и потрогать, пока не появился продавец. И тебе снова все завидуют! – морщит нос.

После этого разъяснения я умолкла раз и навсегда.

А кольцо с тех пор никогда не снималось с моего пальца – он надел, и никогда уже этого не повторит. Я почти не готовлю, а если случается – надеваю перчатки, чтобы не повредить и не испачкать. Кручу его вокруг своей оси, когда нервничаю, и это часто помогает совладать с собой. Или нежно поглаживаю подушечкой большого пальца, когда вспоминаю о Дамиене. Никто не знает, откуда у меня это кольцо, даже мать. Ни одной живой душе не известна тайна предварительной заявки, кроме того, кто сейчас на неё смотрит.

Смотрит и нервно сглатывает, если до этого держался, прятался за взрослым фасадом, то теперь почти обнажился. Медленно поднимает глаза, боясь смотреть в мои, но и од-

новременно нуждаясь хотя бы в одном искреннем взгляде. Так же, как и я, очевидно. И мы оба получаем то, чего так желали, потому что никто кроме нас не может нам это дать – Понимание.

Настоящее понимание боли и жестокости жизни, потому что тот второй единственный способен до конца её прочувствовать. Отражение твоего непотопляемого чувства в другом, таком же непотопляемом. Утешение, потому что ему так же плохо, как и тебе, так же тоскливо, так же одиноко и холодно.

И он так же, как и ты, тайно мечтает оказаться на необитаемом острове. На затерянной планете. В самом отдалённом и беспризорном уголке Вселенной, если только с ним будешь ты. Это – единственное условие.

Глава 4. Кто мы?

Sia – Deer In Headlights

Ужин заканчивается, гости разбредаются по гостиной в ожидании чая и сладкого, мужчины с мужчинами, женщины на кухне.

После кольца Дамиен ни разу на меня не взглянул, ни разу. И если опустить наши «отношения», то я просто как человек даже нуждаюсь в уважении. Выбираю момент, когда мой муж отвлечён, а родителей и вовсе рядом нет, набираюсь смелости и подхожу к нему.

– Привет!

– Привет, – отвечает, не отрывая взгляда от бокала в своих руках.

– Я как будто невидимка для тебя! – упрекаю.

Наверное, в этих словах должно было быть возмущение и даже негодование, но я их буквально прошептала, произнесла так тихо, чтобы только он услышал.

Дамиен поднимает свой взгляд не сразу, ему, очевидно, потребовалось время, чтобы собрать свои силы и посмотреть мне в глаза:

– Мне так легче...

Чёрт, возьми... чёрт, чёрт...

Зачем я тронула его? Зачем?

Это не взгляд, нет – это океан сожалений. Это не душа, это

рваная рана. Я всё это время, все эти дни, недели, месяцы, годы думала о себе, о нас, но ни единой секунды о нём. А он тоже несёт этот груз, эту абсурдную боль, и его ноша, похоже, в разы тяжелее моей.

Я помню, как он любил меня. Помню, как менялся, как его жёсткость перерождалась в манящую мягкость, грубость в нежность, а ненависть в любовь. Как трогательно все это было...

Я просто стою рядом, я просто... сестра? Член семьи? Близкий человек? Родственник? Кто я ему, если он сотни раз был во мне? Кто он, если я до сих пор помню вкус его губ, их мягкость, и те поцелуи мне снятся? Кто он, если после однообразного рутинного секса с мужем мне снится близость с ним, и во сне я всё чаще испытываю оргазмы, а просыпаясь, плачу, потому что в реальной жизни у меня их нет. Теперь совсем уже нет.

Мои вспотевшие ладони дрожат, и я с трудом сдерживаю слёзы. Как всегда, как и бывало раньше, он оказался прав: нам обоим было бы легче без глаз друг друга. И теперь, когда он смотрит на меня всё с той же любовью, но теперь уже смешанной с горечью, я едва сдерживаюсь, чтобы не взвыть.

Каменная улыбка – моё спасение. И пусть в этот момент я похожа на работа Си-Три-Пи-О, пусть! Главное, не рыдаю.

Дамиен поднимается, и рядом с ним я чувствую себя букашкой. Маленькой-маленькой.

– Давай выйдем на воздух?

Его голос так мягок... Я помню этот тон и эту мягкость в моменты, когда на него волнами накатывала нежность, и он целовал меня, называя своим «Опиумом». Но ещё чаще этот бесподобно бархатный голос шептал е нежности или непристойности во время...

– Хорошо, давай выйдем.

В саду тепло, невзирая на поздний вечер, и пахнет сиренью и дикими гиацинтами, посаженными матерью стайками то тут, то там по периметру двора. Мы садимся в садовые кресла друг напротив друга, и Дамиен улыбается, глядя мне в глаза:

– Я рад, что у тебя всё хорошо. Искренне!

– Спасибо...

– Важно, что ты справилась.

– С чем?

– Нашла своего человека, счастлива с ним... это... очень хорошо!

– Эмм, да, наверное.

– Не обижает тебя?

– Нет! – смеюсь. – А что, если бы я сказала «Да»?

– Оторвал бы ему руки и... ещё кое-что, – тоже смеётся. – Очень хочется, а так – был бы повод!

Моё чувство юмора всегда ценило шутки Дамиена – мы смеёмся, и натянутость между нами потихоньку рассасывается.

– А как у тебя? Дела с...

– Не так успешно, как твои, но могло быть и хуже.

Дамиен смотрит в мои глаза, и во взгляде бездна. Кажется, я могу читать его мысли, и сейчас он хочет меня обнять. Не как брат сестру нет... совсем иначе. Он смотрит на мои губы... Боже, как же знаком этот взгляд, и как предательски жестока память, храня все до единого воспоминания. После таких взглядов бывали поцелуи: долгие, страстные, перерастающие в ласки, и если позволяли обстоятельства, то всегда в секс. И у меня каждый раз бывали оргазмы, похожие на европейские фейерверки.

Я чувствую себя грязной, помня об этом. Мы делали то, что под запретом, будучи в неведении, но теперь, когда оба знаем, обязаны всё это забыть. Помнить неправильно, а помнить так, как я помню, греховно.

Дамиен опускает глаза, разглядывая собственные туфли. Дорогие туфли.

– Чем ты занимаешься? – интересуюсь.

– Работаю, – вздыхает.

– Я знаю. По туфлям вижу.

– Что с ними не так? – знакомая резкость приходит на смену мягкости.

– Всё так: хорошие, дорогие туфли. Они практически кричат об успехе, и я рада, что у тебя получается всё, что задумал.

И снова глаза в глаза, но в них больше нет любви, в них злость.

– У меня никогда не получится всё, что задумал!

– Упорство, ум, таланты у тебя есть, и если верить в себя... – спорю.

– То я смогу изменить этот мир? Или его отношение к отдельным вопросам? Или свою ДНК? Может быть, историю своего появления на свет?

– Мы говорили об успехе, – почти шепчу, задыхаясь от его внезапного напора.

– Успех – ничто, если ты не с тем, для кого хочешь быть успешным!

Дамиен импульсивно отворачивается, но уже спустя пару мгновений, словно опомнившись, вновь смотрит на меня с мягкостью.

– Прости! Не знаю, что на меня нашло. Прости...

– Это ты прости, что не пришла тогда, – наконец, мне хватило мужества это произнести.

Дамиен снова поднимает глаза и, странно сощурившись, улыбается:

– Всё в порядке.

– Просто... не получилось со временем, – выдыхаю. – И я слишком поздно спохватилась, чтобы предупредить, – оправдываюсь.

– Я понимаю, – он улыбается какой-то вымученной улыбкой. – Забудь. Я тоже забыл, – отрезает.

– Хорошо, – так же насильно растягиваю свои губы, чтобы улыбнуться в ответ.

Глава 5. Табу

Дамиен

Nick Wilson – Miles Apart

Всемирная сеть – она всегда готова предоставить ответы на ваши вопросы. Любые.

Запрос:

«Я люблю родную сестру»

Результаты поиска:

«Испытываю чувства к сестре»

«Меня вот уже три года сильно тянет к родной сестре.

Я имею в виду, физически тянет и не только...»

«Подскажите, как справиться с проблемой: переспал с родной сестрой. Мы не предохранялись»

«Мой муж любит сестру...»

«У меня «было» 7-8 раз с сестрой. Сейчас нам обоим за 20, но отношения с девушками не получаются – не могу выкинуть её из головы. Помогите!»

«Мы расстались... Вот уже прошло полгода, а я люблю до сих пор... и он тоже... мы не жалеем о том что мы сделали... ведь это были самые лучшие моменты нашей жизни... и я хочу сказать, что в этой любви нет ничего плохого, просто если бы люди понимали и дали бы нам шанс, мы были бы счастливы... желаю всем такой сильной любви, не обязательно между братом и сестрой... будьте любимы,

кто бы вас ни любил и кого бы вы ни любили...»

«Я уже давно влюблена в своего брата. Родного брата! Мне скоро 17, ему 19. Первый раз я поняла, что испытываю к нему нечто большее, чем просто родственную любовь лет в 14. Чего я только ни делала! И к психологу ходила, и старалась отвлечься, пыталась найти кого-нибудь, но это бесполезно. Понимаю, что у меня обречённая любовь...»

«... это чувство я храню только в себе, никому не говорю о нём. Да! О том, что я полюбила родного брата, известно только мне. Подругам или ещё кому-то мне стыдно рассказывать об этом. Когда вспоминаю, что это считается грехом, тяжелее становится в миллионы раз. Но что мне делать с этими «миллионами», если чувство – самое настоящее?!»

Общество:

«Фу-у-у, это же инцест >< Жесть...»

«Я считаю это умственным отклонением, простите, если кого-то обидела»

«В истории мира, зачастую представители королевского рода имели право жениться исключительно на родственниках, не допускалась примесь посторонней крови в роду. И да, скорее всего, именно это приводило к последствиям в виде синдрома Дауна и прочего у их потомков, но не всегда. Позже православная церковь запретила браки между близкими родственниками. Если говорить о мире современном, то извините, сексуальная революция сделала своё дело. Если уж

разрешено в некоторых странах жениться парам нетрадиционной ориентации, да даже на своих домашних животных уже женятся, то что уж тут говорить о родственниках? Хотя я это считаю как минимум аморальным»

«Дурак ты, если не знаешь о детях в родственных браках. Каждый человек несёт в своих генах около четырёх генетических заболеваний. При браке с родственником увеличивается риск повторения, то есть встречи двух генов с одинаковым отклонением, что и выразится в ребёнке!»

«Кстати. В списке смертных грехов инцеста нет!»

«Я не против. Но дети ваши будут больными. Надо и о будущем подумать. Имейте в виду!»

«Это вас Сатана уговаривал, и вы, дебилы, даже не заметили!»

Пресса:

«Узнав, что я беременна от родного брата, наш папа сказал, что у него больше нет детей. Мне очень обидно, что мама не возразила ему»

«Родные брат и сестра рассказали «ФАКТАМ», как полюбили друг друга и стали мужем и женой. Их дочурке исполнился годик. Симпатичная пара, но фотографироваться отказались. И так, говорят, натерпелись. Сначала – от родителей, потом – от соседей и знакомых. Узнав, что О. «обрюхатил» сестру, благонравные сограждане поломали ему ребра. И супругам пришлось переехать из маленького города в другой, где никто не знает их тайну и не будет ме-

шать спокойно жить и растить малышку».

«... Любовь между родными братом и сестрой не такая уж и редкость в этом мире. Её не избежали даже известные люди. В XIX веке знаменитый поэт и лорд Джон Гордон Байрон, настрадавшийся от неудачной личной жизни, не устоял перед красотой, умом и обаянием своей сестры Августы. Женщина ответила взаимностью скорее из доброты и жалости. От этого романа у них родилась дочь. В чопорной Англии поэта подвергли общественному порицанию, и он уехал воевать в Италию и Грецию. Внебрачный ребёнок был отдан в монастырь, находившийся в местности с сырым климатом. Как свидетельствует писатель Андре Моруа, девочка тосковала по отцу, просила его приехать. Байрон не приехал, о чем очень сожалел, особенно когда узнал, что в возрасте пяти лет она умерла. О конкретном диагнозе сведений нет».

Axel Flóvent – Lighthouse

Astronaut Husband – Make Believe

Tim Halperin X Hidden Citizens – Warpath

В моей голове тысячи идиотских мыслей. Ощущения от искреннего недоумения до откровенного отвращения. Иногда я испытываю жалость ко всем этим людям и к себе. Но очевидно одно: я в этой проблеме не одинок.

Собираю себя по кусочкам, составляю заново по частям, принуждаю справиться, пережить. Переворачиваю страницы событий, проживаю один за другим серые дни, стараясь не

оглядываться назад. Чувства запечатаны, эмоции тоже.

Думать нельзя, задавать вопрос «А что, если бы?» тоже.

Но иногда накатывает. Накрывает с головой так, что сопротивление бесполезно. И тогда ты просто заливаешь пожар виски, ромом, коньяком или водкой – что первое попадётся, хотя знаешь, что потушить не получится. Никогда не удастся. Ты навсегда обречён нести в себе «это».

Сейчас у меня хорошая квартира и дорогие туфли, как верно подметила глазастая Ева. А ещё любовница по четвергам, вдвое старше меня, и платная девушка по имени Симона, готовая откликнуться на мой зов в любое другое время.

Мона... Шатенка, как Ева, кареглазая, как Ева, невысокая, как Ева, но не Ева.

Я решил для себя, что метод лечения не имеет значения, если он даёт результаты. Поэтому Мона. Хотя милый голос в агентстве всякий раз предлагает мне познакомиться с «остальными». Но я отвечаю, что «пока буду придерживаться своего обычного заказа». Пока.

А ещё я пытаюсь «искать», и это стремление каким-то образом приняло странные извращённые формы: я сплю с замужней женщиной. Это началось ещё в ту пору, когда у меня не было своего жилья, и я был вынужден снимать квартиру в старом трехэтажном здании. С моего балкона открывался вид на небольшой сквер и балконы стоящего напротив чуть более нового, но, тем не менее, кардинально не отличающегося от моего дома. Я заметил её первым – женщину с во-

лосами, собранными на макушке в растрёпанный пучок. Такой же точно соорудила на своей голове девушка, которую я имел шанс полноценно любить в течение одного года своей странной жизни.

В следующий раз они были распущены и лежали на её плечах скромными унылыми прядями. Она курила, устремив свой взгляд вдаль – на «мой» сквер. А я смотрел на неё. И так повторялось раз за разом, пока она не заметила меня. Вернее, не меня, если уж быть до конца откровенным, а мой голый торс, болтающийся на перекладине: физические нагрузки – лучшее средство от головной и душевной боли.

Мы стали здороваться улыбками, пока однажды в четверг она не появилась в моей квартире. Обоим было ясно, зачем.

Как оказалось, мы нуждались в этом оба – и я, немного «двинутый» на почве произошедших событий, и она, страдающая депрессией ввиду их полнейшего отсутствия. Кэрлос восемь лет в браке, неофициальном, правда, детей нет, любимого занятия тоже. Муж, о существовании которого мы поговорили лишь однажды, не был, по её словам, способен на «интим, нужный женщине».

– И это подразумевает... что? – задаю свой праведный вопрос, лёжа с чужой женой в постели.

– Всё то, что умеешь и делаешь ты! – отвечает, растягивая рот в довольной улыбке.

«Вот те раз...» – думаю. Никогда не представлял себя в роли героя-любовника. И уж точно не рассчитывал стать

чьим-то сексуальным спасением. И чтобы не заикливаться на этом своём новом «амплуа», с головой ухажу в работу и учёбу, поставив себе цель получить диплом досрочно.

Lo Moon – Tried to Make You My Own

Alexis Ffrench – Bluebird

Дни летят, недели, месяцы, сменяются времена года, а я стараюсь «не думать». Не размышлять и не взвешивать всю тяжесть ситуации, но ключевым во всём этом экскурсе было слово «результаты». Потому что, несмотря на используемые разнообразные методы, методики и практики, имя которым Мона и Кэрол, результатов нет.

Три года усилий, и всё бесполезно.

Они есть, но совсем не те, каких я ожидал, и всё ещё жду.

Я знал, что живу среди собственноручно воздвигнутых декораций, но то, насколько безуспешными были все до единой попытки «пережить» и двигаться дальше, стало ясным в вечер нашей первой встречи.

Она вышла замуж ещё год назад. Энни... моя мать не посмела рассказать мне о предстоящей свадьбе, хотя пыталась, я узнал от отца, он был лаконичен:

– Дамиен, Ева выходит замуж.

Это как волна, девятый вал, неожиданно ударяющий со всей своей мощью в лицо. И тебе расплющивает физиономию, сотрясает мозг, бросает твоё тряпичное тельце из стороны в сторону, тянет туда, откуда возврата нет – в безысходность.

– Мы с матерью не знаем, как поступить правильно... – мнётся. – Твоё приглашение у нас, но... свадьбы в традиционном понимании не планируется, только ужин для близких. Для самых близких, – добавляет почти сразу. – В ресторане... – зачем-то уточняет.

Если не я самый близкий, то кто? Знаю, именно этот вопрос их мучает, и они ждут моего решения. А я на него не способен, потому что два года усилий встали поперёк горла, так что мне ни глотнуть, ни двинуться.

Чувствую, как рука отца ложится на моё плечо, и собираю все душевные силы в одном только слове:

– Когда?

И он не сразу, но отвечает:

– Через неделю, сын.

– Что за срочность? Она... в положении? – последнее не сказал, вымучил.

– Нет-нет! Дело не в этом, – снова вздыхает, и я отчётливо слышу в его голосе нервную дрожь. – Они всё решили и запланировали давно, но никто... мы никак не решались тебе об этом сказать.

Проклятый ком из горла перекатился в черепную коробку и давит на слёзные железы. Я запрещаю себе: только не при отце.

Но он, конечно, всё равно замечает моё «особое» состояние: встаёт, направляется к «святая святых» – своему бару, и через минуту приносит мне пару глотков одного из коллек-

ЦИОННЫХ КОНЬЯКОВ.

– У тебя всё ещё... – он не решается договорить, но я не стремлюсь облегчать его миссию, молчу.

Отец ждёт, пока выпью, затем, не выдержав, наливает себе:

– Всё ещё есть ТЕ чувства? – добивает.

Вот оно! То, о чём я столько раз читал в сети и ещё больше размышлял длинными бессонными ночами: порочность, аморальность того, что родной отец не решается назвать даже по имени.

Не может быть «Любви» между Евой и мной, если речь не о братской, а только «ТЕ» чувства. Под кратким словом «ТЕ» подразумевается: грязные, извращённые, запрещённые или просто неправильные. Только я стадию «грязи» давно уже пережил. Оставил в прошлом.

Сложно осознавать себя порочным, но ещё сложнее принять. Твой мозг, не спрашивая разрешения, начинает размышлять, задавая самому себе вопросы:

«Почему так?»

«Как вообще такое возможно? Если это недопустимо?»

И ответ «мы просто не знали, я не знал» тебя не устраивает, потому что ты вот уже дни, недели, месяцы «знаешь», но ни черта не меняется! В груди как саднило, так и саднит! То острая, волнообразная боль, то тупая, растянутая. Ты каждое утро соскребаешь себя с постели, формируешь более-менее дееспособное тело и идёшь жить. Но с приходом ночи вся-

кий раз наблюдаешь коллапс, протрацию и всё те же вопросы по кругу:

«Почему я не могу перестать «это» чувствовать?»

«Если «оно» неправильное и порочное, то почему существует? Ведь теперь «я знаю!»»

И ты снова в сотый уже, наверное, раз лезешь в сеть, чтобы почитать откровения таких же, как ты «неправильных». «Отклоненцев» от нормы. Возмутителей стройного порядка в безупречном мироздании. Злостных попирателей морали и нравственности.

Она повзрослела. Не изменилась слишком сильно, но, всё же, стала другой, а я бы, как и прежде, узнал её из тысяч. По взгляду.

Мне больно, дико больно от того, что моя Ева боится даже взглянуть на меня. Неужели настолько стал омерзителен? Неужели «табу» так прочно въелось в твой мозг, Ева?

Я сам удивлён тому, что могу дышать. Знал, что будет не просто, но не представлял насколько. Настраивал себя, готовил, внушал «правильные мысли», глядя на собственное отражение в зеркале просторной ванной моей новой квартиры.

Боль. Адская, душераздирающая: видишь, слышишь, можешь дотронуться и не можешь. Не твоя это больше Ева, Дамиен, и твоей уже никогда не будет».

Вышла замуж за китайца... Что это? Шутка? За кого угодно, только бы отмыться от меня? Избавиться от воспоминаний, от рвущих душу событий и прожитых вместе дней, ко-

гда мы были счастливы, ночей, когда были близки?

Близость...

Что мне делать с влечением? Что мне, чёрт возьми, делать с этим адским желанием? Я запрещаю себе даже думать об этом, пресекаю все до единой фантазии и, вернувшись домой, переживаю очередной эпизод интима с куклой из моего театра, в котором чувствую себя высохшим.

Max Richter – Non-eternal

Кэрол и Мона остались в прошлом, ушли так же незаметно, как и появились.

Теперь же редкими вечерами меня посещает миссис Сэлдом. Мы идеально подходим друг другу: у неё такое же точно имя, как у моей матери – Энни, унылый брак и трое детей. Энни определённо старше меня, хотя это не имеет никакого значения, ни большого, ни маленького, поскольку моя подруга обладает главным, редчайшим достоинством – не требует моего эмоционального участия. Мне официально разрешено не проявлять чувств, сентиментальности, не изображать фальшивых эмоций и быть вне «отношений». Мы просто удовлетворяем потребности друг друга. Я никогда не интересовался, чем именно муж не устраивает Энни, ведь, судя по наличию троих детей, с половой функцией у него всё в порядке, а Энни не спрашивала, почему я живу один, почти не целую её во время секса и никак не демонстрирую эмоциональной связи с партнёршей. Мы не задавали вопросов, почти не обменивались словами, как и объятиями, мы про-

сто встречались дважды в неделю, чтобы получить то, что единственное желали.

После её ухода я часто лежу в темноте, отпустив поводья собственной жизни и позволяя мыслям самостоятельно выбирать русло в своём течении. И они всегда стремительно летят к НЕЙ. Каждый мой день заканчивается молчаливым вопросом: «Как ты? Что происходит в твоей жизни? Справляешься ли с трудностями? Не обижает ли китаец мою девочку?». Я закрываю глаза и вижу сны: зелёную траву выбритой лужайки Бёрнабийской горы, стены нашей спальни, худой живот и не тонкие запястья, каштановые с медными прядями волосы, собранные в растрёпанный небрежный узел на макушке, нашу постель...

Я вижу школьный класс, где нам обоим по восемнадцать. Ева сидит рядом, нахохленная, напряжённая, ждущая моих действий, а я... А я люблю всё, что любит она: маки, которые рисует и даже оттенок красного фломастера, тонким грифелем которого её рука так старательно заштриховывает лепестки. Я люблю её маленький нос и огромные, цвета горького шоколада глаза: бездонные, наивные, чрезмерно осторожные. Я люблю её чуть выющиеся волосы и то, как назойливо они спадают на лицо, мешая видеть, люблю кисть её небольшой руки, рваным детским жестом заправляющую их обратно. Я люблю смотреть на неё, и мог бы делать это часами, если б мне только позволили. Но в голову мою никто не влезет, и именно поэтому я думаю о ней, сколько хочу, то

ЕСТЬ ПОЧТИ ПОСТОЯННО...

Глава 6. Есть ли ответы у сложных вопросов?

Maria Mena – Habits (feat. Mads Langer)

Ева:

Вейран не чистокровный китаец, в нём есть примесь корейской крови, отвесившая важный жизненный бонус – яркую, привлекательную внешность. Вейран, помимо своего основного рабочего места в ИТ-компании, подрабатывает ещё и моделью. Его фото можно найти на стоках в сети, в журналах и каталогах одежды, и, наверное, по этой причине он такой надменный и самоуверенный.

С каждым днём нашей совместной жизни его характер становится жёстче и категоричнее. Я с самого начала запретила себе сравнивать супруга с Дамиеном, иначе мой муж не выдержал бы сравнения ни в одной категории, начиная с его полного игнорирования бытовой рутины и заканчивая полнейшим фиаско в постели. К концу первого года брака я обнаруживаю, что погрязла в домашних делах и симуляции оргазмов.

Конечно, я не ждала, что в браке мне будет так же хорошо, как с Дамиеном, но и не ожидала настолько полного разочарования в мужчине.

Дамиен объективно не был мечтой – случались и у него за-

тмения, недостойные поступки, нехорошие жесты. Он даже не был первым красавцем, мне случалось встречать парней намного красивее и мужественнее. Его не назовёшь самым комфортным человеком: хоть мы и не ссорились, живя вместе, его резкие перемены в настроении или манера планировать не только свою, но и мою жизнь, порой пугали, выбивали из колеи. Он мог под влиянием магнитных бурь решить проиграть гонку и проигрывал её. А я, наблюдая за тем, как «звезда» заедает попкорном свой заранее известный проигрыш и смотрит спортивный канал, иногда спрашивала себя: что если однажды он вот так же решит проиграть нашу гонку? Откажется от меня?

Но он не отказывался. Это сделала я.

Впервые Дамиен написал мне шесть месяцев спустя после встречи в родительском доме – в день своего рождения.

Он явно был не трезв, и в состоянии крайне угнетённого сознания прислал сообщение, послужившее началом нашей переписки:

Дат: «Ева... Ева, Ева, Ева... Я когда-нибудь говорил тебе, дорогая сестрёнка, что именно делал со мной твой голос? Особенно если он произносил моё имя?»

Дат: «Голос сестры не должен быть таким, разве нет? Почему ОНИ наградили этим голосом тебя, мою кровную сестру? Почему не отдали его одной из тысяч всех прочих, почему тебе?»

Дат: «Я всё время об этом думаю. Постоянно. Эта

мысль разъедает мой мозг...»

Ева: «Дамиен, ты пьян?»

Дат: «Почему сразу пьян?! Выпил немного с другом, у меня сегодня праздник!!!!!! Праздник!!!! Событие всей моей грёбаной жизни! Ладно, ты права, я пьян и с трудом попадаю на нужные кнопки. Мне тут предлагают помощь, но я отказываюсь. Как упёртый идиот всё ещё продолжаю на что-то надеяться и игнорировать главное: вопрос «На что?»».

Дат: «Ева, я ублюдок. Всегда им был. Помнишь, как часто в детстве ты называла меня ублюдком? Ты почти никогда не произносила моё имя... странно, да? Никогда не называла по имени... но знаешь, ты была права! Ты была совершенно права: я – ублюдок!»

Ева: «Почему?»

Дат: «Потому что искренне не желаю тебе счастья с твоим этим... пффффф!!!»

Ева: «Он настолько тебе не понравился? С тобой, таким мачо, конечно, никто не сравнится, но всё же, неужели он настолько плох?»

Дат: «Ева, для тебя любой будет недостаточно хорош. И мне больно от того, что ты его защищаешь»

Ева: «Я не хотела делать тебе больно»

Через несколько часов:

Дат: «Я снова о тебе думаю. Да я всё время о тебе думаю!»

Думаю утром, думаю днём, думаю вечером. А ночью ты мне снишься. Каждую ночь! Стоит закрыть глаза, и ты тут, как тут...»

Дат: «Ты сказала, у меня успехи... это от того, что я слишком много работаю, Ева. Не только днём, но и вечером, и ночью. Это не от трудолюбия, поверь! Мне просто необходимо забивать голову текущими проблемами, заставляя мозг искать решения, чтобы он не думал о тебе и не пытался разобраться в том, в чём разобраться невозможно»

Дат: «Почему я не могу перестать думать о тебе?»

Ева: «Я не знаю»

Дат: «Завидую тебе. Хотя мне и больно это признавать, но ты оказалась живучее меня, нашла свой выход. А у меня ничего не выходит. С жёнами, Ева. Ничего! Я не вижу их, не воспринимаю. Они все – говорящие куклы, ты понимаешь меня, Ева? Хотя, наверное, не понимаешь. У тебя ведь теперь есть ОН. А у меня – мои проститутки»

Дат: «Боже, что я несу... Завтра, наверняка, буду сгорать от стыда. Телефонным компаниям стоит ввести услугу блокировки номеров “бывших” на случай пьяного дебоширства. Это была бы отличная услуга, я бы воспользовался! Завидую, Ева, тебе и твоей сдержанности. Ты – сила. Сила! Сила! Сила...»

Дат: «У меня чёрные мысли, Ева. Но страшнее всего то, что они меня больше не пугают. Я говорю себе, что это слабость, но знаешь, мне, кажется, уже и на это наплевать»

Ева: «Дамиен, пожалуйста, перестань! Ты меня пугаешь!»

Дат: «Я не нарочно, честное слово. Мне некому об этом сказать. Ни одной живой души вокруг, ты понимаешь?»

Ох, как же хорошо я его понимаю. Плачу, глядя на экран своего телефона и не зная, как и что отвечать. Ему ведь плохо, это же очевидно. Моему Дамиену плохо!

Дат: «Если бы мы могли встретиться... Хотя бы раз, Ева? Помнишь, как раньше? Только ты и я, и никого больше...»

Ева: «Ты не трезв, завтра пожалеешь, о том, чего просишь»

Дат: «Жалеть придётся в любом случае»

Спустя минуту:

Дат: «Давай встретимся?»

Мои руки дрожат. Да что там! Всё во мне, что есть, трясётся в нервном треморе. Он хочет ВСТРЕТИТЬСЯ! Увидеться, поговорить наедине.

И только я успеваю набрать своё почти согласие: «Где?», Вейран входит в спальню и, соблазнительно улыбнувшись, укладывается рядом. Я знаю, чего он хочет, и пока позволяю брать то, что обязана ему давать, думаю о необходимости как можно быстрее ответить Дамиену. Его сообщение о «чёрных мыслях» поселило в душе тревогу. Мне страшно не потому, что я доверчива, а потому, что слишком хорошо знаю, каково ему. Знаю, потому что сама пережила это раньше. Не так

давно.

Глава 7. Давай сбежим на остров?

HAEVN – The Sea

Это та же кофейня, где мы впервые встретились, будучи взрослыми. Здесь мы играли взглядами в «пинг-понг», здесь впервые почувствовали притяжение. И влечение тоже.

И теперь тоже вечер, как тогда, только более поздний, и вместо запавшего в мою душу лилового зарева – серое небо и извечный дождь. Вдали едва различимый тёмный залив, гор не видно из-за мглы мороси, зато на дороге прямо под нами, на три этажа ниже, мелькают проезжающие авто и путешественники с чемоданами и раскрытыми зонтами.

Дамиен постарался хорошо выглядеть – на нём красивый модный пиджак тёмно-синего цвета и такая же рубашка. Он поднимается, увидев меня, и я могу сказать, что его тёмные джинсы прекрасно сочетаются с непростительно дорогими на вид туфлями.

Я тоже сделала сегодня исключение – надела платье, и так совпало, что оно идеально соответствует оттенку его рубашки.

Дамиен легонько приобнимает меня и целует в щёку, как и положено родственникам. Или «бывшим»?

Он гладко выбрит, от него сногшибательно пахнет. И он нервничает, поэтому, очевидно, начал без меня – на столе бокал с алкоголем. Не знала, что его продают в Старбаксе.

– Давай выпьем вина? – предлагает.

– С каких пор здесь водится вино?

– Считай, мы у них – vip-клиенты! – улыбается.

Официант приносит нам вино, бокалы и блюда, каких я сроду не видела в этой кофейне.

– И всё-таки, откуда здесь спиртное и ресторанные блюда?

– Я же уже сказал! – подмигивает.

На моём лице, очевидно, пропечатывается недовольство, потому что Дамиен тут же сдаётся:

– Мы здесь снимали эпизод пару дней назад, ребята меня знают и разрешили заказать еду в другом месте. Я сказал им, что именно этот столик, это окно и этот вид имеют решающее значение в моём сегодняшнем деле, а еда нужна человеческая. Они просто сделали для нас исключение.

Дамиен наполняет наши бокалы, а я считаю нужным заметить:

– Вино я люблю, но тебе, по-моему, уже достаточно.

Он поднимает бровь и с ухмылкой отвечает:

– Тебе не идёт быть строгой мамочкой!

Через секунду, словно его осенила глубокая мысль, добавляет:

– А-а! Я понял! Это ТАК ваши роли распределились? Ты командуешь?

Дамиен пытается «юморить», но у него плохо это выходит: в натянутой усмешке, в сжатых губах слишком отчётливо проявляется напряжение. Так улыбаются люди, которые

пытаются скрыть страдание.

– Ты странный, – признаюсь. – Непривычный.

– Я выпил три литра растворителя морали! – смеётся.

– Ты пьян!

– Я пьян... А мне ничего больше не остаётся, кроме как заливать свои мозги спиртом. Дамиен Блэйд в спиртовом растворе! Высшее качество, но товар однажды уже был возвращён продавцу. Хотите скидку?

– Прекрати!

– Почему у меня не получается так же легко, как это вышло у тебя?

– Откуда тебе знать, как было у меня? Как ты вообще можешь обо мне что-либо знать! Ты не видел меня три года, три! Ты... ты... ты трус!

– Да... я трус... наверное... но я ждал тебя... в этом кафе... в этом чёртовом кафе... будь оно проклято!

– Так я и думала, что эта тема ещё не закрыта! Не так просто и не так легко! И, прося забыть, ты требуешь, на самом деле, помнить! Как достойно!

– Почему ты не пришла?

– Думаю, по той же причине, что и ты.

– Что я, что? Я был там! Я ждал тебя!

– Ты не хотел меня видеть. Ни сразу: ни спустя день, ни два и ни три! Месяцы прошли! Месяцы, Дамиен! Что? Чувствовал себя грязным?

– Не смей!

– Ещё как посмею! Я же права, так ведь?

– А ты? Хочешь сказать, у тебя этого не было? Ни о чём не думала?

– Да, Дамиен! Именно это я и хочу сказать! Можешь удивляться и не верить, но я не чувствовала себя грязной или совершившей дикое преступление. Я ждала звонка, но ты не звонил. Ты просто ушёл, хлопнув дверью! Ты первым бросил меня! Не родители, не люди, не общество и не мораль, Дамиен! Ты сделал свой выбор: ты ушёл!

– Мне нужно было подумать!

– Думать очень полезно. Да. Особенно по поводу обещаний, которые раздавал.

Его пьяный расфокусированный взгляд мгновенно трезвеет, делается серьёзным, и я могу наблюдать волны негодования, стыда, сожалений. Да, его тёмные блестящие радужки словно умоляют меня дать ему шанс исправиться, стереть из памяти прошлое, вернее, только ту его часть, где он забыл о том, что обещал. А обещал очень многое, и главное – любить несмотря ни на что. Всегда рядом быть, никогда не бросать. Защищать от всех и вся, но только не от самого себя.

– Прости меня!

«Бог простит» – думаю, но вслух произнести не решаюсь – слишком пугает уязвимость, поплёскивающая в его глазах.

– Дело не в этом, – бормочу, да практически шёпотом общаю бессмыслицу, вертящуюся на языке.

Думать сложно, почти невыносимо, когда он сидит вот

так, всего в метре. И грудь, к которой так хочется прижаться, нервно вздымается при каждом его вздохе. А если разжать тормоза и дать себе волю, то руки мои сорвали бы с его мышц эту фэнси рубашку и легли бы ладонями по обеим сторонам того самого символа, идентичная копия которого красуется на моей собственной груди. Я бы показала ему центр всех его обещаний, но сама, втайне от всех и самой себя, наслаждалась бы теплом его кожи под своими пальцами.

За широким окном уже почти стемнело – начался «синий час», время фотографов. Цветные огни проезжающих внизу авто расплываются длинными кометами на мокром стекле витрины Старбакса. Наша любовь похожа на этот след – вспыхнула ярко-красной вспышкой и пролетела так быстро, что мы едва успели понять, что произошло. И только в памяти остался её исчезающий след.

– Ева... – он почти шепчет. Звучит так, словно потерял голос. – Ева, прости!

Azaleh – Moonlight

Сложно бороться со слезами, когда они нагло прут, сшибая с ног, не ожидая разрешения на пересечение границы. И вдруг я слышу то, что мгновенно приводит меня в чувство:

– Ева! – Дамиен резко накрывает мою руку своей, как тогда в юности. – Давай наплюём на правила? Давай забьём на мораль?

– Ты пьян! Опять пьян!

– Ты права. Но пьяный я всего лишь озвучиваю свои трез-

вые мысли!

– Я замужем, Дамиен! У меня есть муж! И обязательства перед ним!

– Ты скала, Ева, – отпускает мою руку и откидывается на спинку сидения. – Я восхищён: не женщина – камень!

Его глаза неприятно суживаются, и, возможно, будь он трезвым, моя внутренняя рана опалаясь бы только этим вот его обиженно-рассерженным взором, но нет же, он ведь ещё и пьёт один бокал за другим.

– Меня удивляет та решимость, с какой ты вышвырнула меня из своей головы и легла в постель к своему Хуану. Почему я, интересно, не могу так же?

– Он не Хуан, он Вейран!

– Один хрен, чурбан с маленьким членом!

– Откуда тебе знать, какой у него член?

– Столкнулись в душевой в джиме, – ржёт.

– И ты пялился на его член?

– Ну, нужно же мне было знать, как теперь развлекается моя Ева!

– Дамиен, ты не можешь думать обо мне в таком ключе!

– Да? И кто же мне запретит?

– Мораль.

– Ах мораль... Чёрта с два твоя мораль заберётся в мои мозги!

– Почему моя?

– Потому что не моя. Ты когда-нибудь задавалась вопро-

сом, а что, в сущности, есть мораль?

– Мораль – это базовые основы человеческого поведения. Устой, основанные на... многовековом опыте и практике.

– Мораль – это свод придуманных кем-то правил. Правил, установленных чьей-то ограниченной мудростью. Люди веками считали, что Земля – центр мира, пока Джордано Бруно не вышел за рамки и не объяснил им реальное положение вещей.

– Я помню его статую на площади цветов в Риме. Мы переводили надпись под ней, и, кажется, там было сказано: «Джордано Бруно – от столетия, которое он предвидел, на том месте, где был зажжён костёр». Ты же помнишь, что с ним случилось?

– Сейчас не шестнадцатый век, мы не в Риме, и у нас нет инквизиции!

– Она есть, Дамиен. Она заложена в нас самих и наших близких. Мы сами сожжём себя, сами. И это будет куда дольше и мучительнее, чем у Бруно.

Где Дамиен-лидер? Куда делась непоколебимая уверенность в себе и то безразличие к авторитетам и окружающему миру, которые делали его таким привлекательным? Где несгибаемый борец?

– Я знаю, что тебе больно, Дамиен.

– Интересно, откуда?

– Если бы ты не пребывал почти постоянно в пьяном угаре, то, возможно, понял бы, что и мне тоже больно. Что Вей-

ран – это мой способ пережить. Пока ты забываешься с проститутками, я пытаюсь сосредоточиться на человеке, который меня любит!

Дамиен со вздохом накрывает лицо ладонями, с силой прижимая пальцы к глазам, потом, словно стряхнув временное помутнение, резко убирает их и смотрит на меня совершенно трезвым взглядом:

– Что если и мне сосредоточиться на том, кто меня по-настоящему любит?

Я не сразу улавливаю намёк. Сижу некоторое время в полной прострации, взвешивая вероятность любви между покорёженным эмоционально мужчиной и дорогой проституткой, как вдруг на ум внезапной вспышкой, сопровождаемой громом, приходит имя «Мелания».

В это же самое время Дамиен с совершенно серьёзным лицом делает мне предложение:

– Давай уедем на остров? Купить кусок суши в личное пользование я не смогу, но виллу с участком – вполне. Нам ведь всё равно не нужны... школы, будем жить на острове и говорить туристам, что муж и жена.

– Если бы не количество тобой выпитого, увиденное сегодня моими глазами, я бы подумала, что ты серьёзно.

– Рискни предположить, что серьёзно. И ответь.

Он держит меня взглядом с такой интенсивностью, будто распял, а у самого в глазах страх. Панический страх.

– Дамиен, это грех, то, что ты предлагаешь. Это страшный

грех. И позор для родителей, для всей семьи!

Я как будто впервые всерьёз задумываюсь, взвешивая аморальность не только этого предложения, но и допустимость мыслей о нём.

Конечно, я лгу ему и лгу себе, отгораживаюсь пристойностью, но ведь в полной тишине своего одиночества, даже невзирая на храпящего рядом мужа, сколько раз мой извращённый мозг мечтал о таком же уединении, которое Дамиен набрался мужества предложить?

– Родители никогда этого не примут, они не примут нас! – ищу оправдания своей трусости.

– Мне плевать на родителей! Особенно после того, что они с нами сделали! – вспыхивает.

– Но они не перестали быть нашими самыми близкими людьми. Они совершили ошибку... несколько ошибок, Дамиен. Разве ты не ошибался?

Он не отвечает.

– И потом, я думала, у тебя наладились отношения с матерью. Это, наверное, важно для тебя?

– Энни всегда выдаёт желаемое за действительное.

– Правда? Ты не называл её матерью?

– Называл. Когда был в стельку пьян и не стеснялся открыто стебаться. Или стёб тоже считается? Знаешь, очень странно никогда не иметь матери и вдруг внезапно её «заиметь». Это вызывает в моём воспалённом мозгу когнитивный диссонанс! Я и выгнать её из своей жизни не имею пра-

ва, она ведь всё-таки мать, но и принять никогда не смогу тоже. Особенно помня о том, во что она превратила твою жизнь, Ева.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что она, похоже, так и не поняла за все годы после случившегося в роддоме, что у неё родился не только мёртвый сын, но и живая дочь! Кошки, Ева, лучшие матери, чем наша по отношению к тебе! Это просто режет глаза, выворачивает душу! Она будто отказалась от тебя, но при этом официально не бросила. И знаешь, может приёмная мать любила бы тебя больше.

– Она любит меня. В своей специфической манере, правда, но любит. И не говори ерунды! Ни одна приёмная мать не лучше родной!

– Не знаю, – поджимает губы. – Не знаю.

Спустя время, неожиданно добавляет:

– Мне бы побольше ума в детстве...

– Что было бы?

– Меньше тупых поступков с моей стороны, Ева. Стыд – жалкое чувство в сравнении с тем, что я теперь испытываю. После всего.

– И что же ты испытываешь? – надавливаю.

Дамиен поворачивает голову к окну, стискивает зубы и после недолгой паузы признаётся:

– Я должен был любить тебя... а не ненавидеть. Ты – мой единственный по-настоящему родной человек. Из-за их

ошибок мы наделали своих.

– Не все братья и сёстры любят друг друга, Дамиен. Ты идеализируешь то, чего у нас не было, но на деле дети ссорятся и враждуют независимо от родства.

– Я бы любил тебя... и защищал.

– Что мешало тебе если не любить, то хотя бы не третиловать Еву-сводную сестру?

– Глупость, недостаток жизненного опыта, детский максимализм и заложенная в генах жестокость. И отсутствие любви. Да, не удивляйся, мне тоже её не хватало.

– А между тем, мать души в тебе не чаяла и вечно лезла с нежностями, заботой и советами. И отец любил, пусть и своей сдержанной любовью, но любил и любит сейчас. Не жалуйся! – делаю глоток из своего стакана с соком, потому что в горле пересохло от этого странного разговора. – Я помню, ты однажды рассказывал, как сильно тебе не хватало матери, а ведь она почти всё время была рядом! Она всегда любила тебя.

– Именно поэтому теперь я не хочу даже пытаться заменить реальность иллюзией. Они не понимают нас? Пусть! Не принимают? Пусть! Мне плевать на всех! Важно только то, чего мы двое хотим. А я хочу просыпаться с ТОБОЙ, заниматься любовью с ТОБОЙ. Жизнь свою прожить хочу с ТОБОЙ! Мы мечтали о наших детях, семье, но если это невозможно, я согласен на всё, что могут дать нам альтернативы: приёмный ребёнок или банк спермы – как ты скажешь, так

и будет. Я знаю одно: последние четыре года были для меня невыносимы и бессмысленны, и я чувствую, что и для тебя тоже. Тогда ответь мне: что в этом правильного? В каком именно месте всё это – правильно?

Его взгляд тяжёлый, жёсткий, металлический. Так смотрит только сильный мужчина, загнанный в угол обстоятельствами, доведённый до отчаяния своей беспомощностью что-либо изменить. Нет такого решения, шага, действия, которое он мог бы совершить, чтобы вырвать нас из этой безысходности.

И, тем не менее, я отчётливо вижу в его зелёных, но так умело выдающих себя за карие, радужках дерзость. Словно он всем бросает вызов: мне, родителям, фальшивым партнёрам, обществу, всему миру. И если этот мир одобряет и принимает людей, искажающих базовые понятия морали и допустимости, почему он не может принять нас?

Я знала, чувствовала, что он дошёл до точки, потому и начал мне писать, потому и позвал на эту встречу. Но молчу, потому что ответов на его вопросы нет. Смотрю на его руки и вспоминаю, какие они на ощупь, как ласкали меня, какими нежными были. Его пальцы, запястья и та часть руки, которая видна под часами и рукавом дорогого пиджака, кажутся мне необыкновенно красивыми. Наверное, так всегда и бывает: когда человек настолько сильно желанен, всё в нём кажется особенным.

– Ответь, Ева, – требует.

– Я не знаю, что отвечать, – честно признаюсь.

Дамиен отрывает от меня свои пронзительные глаза и смотрит на залив. А я – снова на его руки. Потом шею, ключицы, видимые в раскрытом вороте рубашки. Хочется прижаться к ним губами, помня, как именно он реагирует на подобное. Постыдно, запретно хочется.

Мне нельзя об этом думать, нельзя! Отрываюсь от него и тоже смотрю на серый залив.

– Они назвали нас Адамом и Евой, – сообщает тихим прохладным тоном.

– Что?

– Дамиен – моё второе имя. Первое – Адам. В школе смеялись, спрашивали, где моя Ева...

– И что ты отвечал?

– Ничего. Я думал, нет никакой Евы, и никогда не было. А она была. Жила себе в далёкой Австралии и ждала своего часа, чтобы вернуться, – его лицо внезапно становится мягче, губы растягиваются в искренней нежной улыбке.

– Почему я никогда не слышала твоего первого имени?

– Ну... однажды мне надоело быть Адамом, и я решил стать Дамиеном.

– А у меня тоже есть второе имя, – признаюсь.

– Я знаю.

– Откуда?

Поднимает брови, но взгляд сосредоточен на бокале с белым вином:

– Ева-Мария, так ведь?

– Да...

– Красота во всём, даже в имени, – задумчиво констатирует. – Знаешь, как тяжело искать тебе замену?

Дамиен поднимает глаза, и смотреть в них тяжело. Невыносимо.

– Знаю. Так же нелегко, как и тебе, – признаюсь.

– И, тем не менее, ты её нашла.

Решаю молчать о своих отношениях с Вейраном: это наше с ним грязное бельё, и демонстрировать его Дамиену неразумно. Да и гадко, честно говоря.

– Мы могли тысячу раз догадаться, маяки были повсюду: имена, общая фамилия, близкие даты рождения, сходство во внешности, эта тяга друг к другу... Ты знаешь, после первой же нашей ночи вместе я понял, что так, как с тобой, не будет ни с кем. Странное, почти непреодолимое притяжение, а ведь мы просто спали...

– В этом нет ничего странного – девять месяцев бок о бок в одном тесном, очень ограниченном пространстве. Мама ведь сказала, что мы близнецы: места было мало, и мы вынуждены были обниматься, – улыбаюсь.

Я очень хорошо понимаю, что он имеет в виду, потому что помню то состояние неожиданного комфорта и покоя, когда его руки впервые меня обняли. Потом они же обнимали во сне, и это был самый сладкий и самый полноценный сон в моей жизни. И все последующие наши ночи мы всегда спали

в обнимку, даже если было жарко, даже если у меня были критические дни, и мне не хотелось его объятий – его руки всегда были на мне.

Страшно теперь осознавать причину, по которой те объятия были особенными и отличались от всех других в моей и, наверное, его жизни тоже.

– Я хотел сказать, – продолжает свою мысль, глядя вначале в окно, затем вновь на меня, – что мы не хотели знать правды. Поэтому слепо не замечали подсказок.

– Возможно, – соглашаюсь.

– Зачем замуж так быстро выскочила? – внезапно меняет тему.

– Он предложил, я согласилась.

– А любовь?

– Она есть, – утвердительно киваю головой, будто сама себя убеждаю.

Или я думаю, что она есть.

– Хорошо, – Дамиен криво улыбается, затем прячет губы в своём бокале.

Спустя минуту, справившись с первыми эмоциями, неожиданно громко и уверенно добавляет:

– Передай своему китайцу, что, если посмеет обидеть мою сестру, я ему сперва рёбра переломаяю, потом голову оторву! – скалится, довольный собой.

– Ты всё такой же агрессор!

– А ты всё такая же девчонка!

В его глазах столько всего: умиление, нежность, грусть, сломленность. Тяжело видеть его таким. Непривычно и больно.

– Дамиен, – набираюсь решимости. – Я хочу детей. Своих, а не приёмных. Сама хочу быть матерью и иметь полноценную семью.

Он согласно кивает и уже не смотрит в глаза.

Мы расстались очень скоро, каждый поехал проживать свою жизнь правильно, с достоинством и по отдельности.

Глава 8. Разочарования

Sumie – Fortune

Я не замечаю, как становлюсь жалкой. Люди встречаются, влюбляются и расстаются, если вдруг что-то пошло не так: не сошлись характеры, один из пары охладел, влюблённых разделили расстояния или препятствия, которые ни один из них не смог преодолеть. Учёба в разных колледжах, например, как у Либби и её бойфренда: они просто завершили свою «любовь» мирным совместным завтраком в Denny's в тот самый день, когда Патрик улетал на четыре года в Швейцарию изучать инженерное дело в судостроении. Уже через месяц Либби повстречала Квина и снова влюбилась, хотя до этого клялась, что Патрик был любовью всей её жизни.

Из сотен вопросов, непрошено возникающих в моей голове, самым главным остаётся глубина и степень моей депрессии. Почему я не могу с ней справиться? Почему никак не получается перешагнуть эту неудачу в жизни, признать ошибкой и двигаться дальше, просто жить и строить своё будущее? Почему я не воспринимаю мужчин? Отчего не могу принять новые отношения ни в теории, ни на практике?

Спустя ещё год Ева Блэйд живёт странной унылой жизнью, будто не проживает дни, а отрабатывает. Я бросила колледж и часто ловлю себя на том, что просто смотрю на белый ровный потолок и ничего не чувствую. Ничего кроме апатии:

нет мыслей, нет желаний, только одно сплошное безразличие.

От мужа меня воротит. Я уже давно пережила стадию раздражения и осознание того, что приняла новизну за чувства. Теперь мне ясно одно – этот человек никогда не должен был становиться частью моей жизни. Он мне чужой, как и его манеры, узкие глаза, культура питания и бескультурье в некоторых иных вопросах. Я устала от него, а копящееся раздражение стало перерастать в злость.

Потребность уйти превратилась в навязчивую идею, и для её воплощения пришлось искать работу. Для девушки без образования, связей и друзей работа находится только в барах и магазинах, но поскольку в первых платят куда как больше, приходится освоить нелёгкое ремесло бармена. Бар «Шестидесятые» в Даунтауне станет моим местом работы, а значит и жизни ещё на целый год. За это время я сильно изменюсь. Настолько, что с трудом узнаю себя сама.

Моя проблема пришла незаметно. Всё началось с бесконечных историй посетителей, жаждущих поделиться своей личной трагедией или радостью. Многие из них настойчиво уговаривали «разделить» с ними их скорбь или успех парочкой шотов. Я даже помню, как в первый раз согласилась: это был молодой парень, убивающийся по поводу измены. Его история, в которой он любил свою Кару с пятнадцати лет и мечтал на ней жениться, меня тронула. Вернее, не сама его история, а то, как глубоко и надрывно он страдал, пережи-

вая предательство: его «любимая», накурившись на вечеринке травы, переспала с лучшим другом. Это больно, но предельно просто и предсказуемо, когда вы курите в компании, что сложнее – попытка найти в себе силы пережить это, ведь чувства у обоих настоящие, а случившееся – лишь эпизод не первой и не последней глупости.

– Понимаешь, – объяснял мне Дерек, – я точно знаю, что так, как с ней, уже не будет. Такое даётся только раз. Потом, позже, конечно, найдётся подходящая девушка, и мы даже сможем неплохо поладить, как мой старший брат со своей женой, к примеру, но этих безбашенных чувств уже никогда не случится! – и он пропускает очередной шот виски, наливая и мне из своей бутылки.

Хочу заметить, бутылками клиенты заказывают напитки только в случае крайней степени трагизма произошедших с ними событий.

В общем, разделив в тот вечер с Дерексом его боль, я вдруг обнаружила, что жить стало легче. В голове временно померкли картинки с изображением одного единственного человека, в теле притупилась потребность в нём. Я, наконец, отвлеклась и почувствовала облегчение. Затем, пару недель спустя, отвлеклась снова, уже с Сильвой, девушкой из Польши, безответно и тайно влюблённой в свою лучшую подругу. Потом это случилось снова. И снова. А когда вместо «терапевтических забегов» с клиентами я стала уединяться с коньяком в своей крошечной квартирке-студии, мне стало яс-

но, что обработка спиртосодержащими продуктами шрамов на моей душе приняла системный характер. И не испугалась, не огорчилась, не попыталась остановиться. Мне было наплевать на последствия своих поступков, и как я сама уже стала подозревать, на собственное будущее тоже.

Я ни с кем не встречалась, всё ещё помня «прелести» совместной жизни с Вейраном, который почти сразу же после нашего развода стал публиковать в социальных сетях снимки со своей новой девушкой-китайкой. Я бы даже не обратила на него внимания, если бы не подозрительно «скорое» объявление о предстоящей свадьбе и приписка «я ждал этого события почти всю свою жизнь!». Вейран получил канадский вид на жительство только по той причине, что стал моим мужем. Инициатором развода была я, но, вспоминая некоторые особо выдающиеся моменты нашего «брака», я с горечью понимаю, что мой так называемый муж так усердно старался от меня избавиться, что даже переигрывал. Гадко. Невыносимо гадко, но совсем не больно, потому что я была для Вейрана таким же точно проектом, как и он для меня. Я ничем не лучше. Стремление использовать мужчину в своих попытках пережить связь с другим не более достойно, чем его планы получить вид на жительство, женившись на слегка пришибленной белой девушке с канадским паспортом и многоговорящей фамилией Блэйд. И что хуже всего, Вейран ещё и взял себе мою фамилию!

Я перестала есть. Длинный список «любимой еды» сокра-

тился до нуля позиций. Странно, но пропавший к еде интерес совершенно меня не беспокоил, как и выпирающие бедренные кости и обнажившиеся ключицы. В другое время я бы обрадовалась подвернувшейся возможности похудеть, но на данном этапе мне было и на это наплевать.

Уж на что мой работодатель был безразличным к проблемам своих рабов, увлекаясь неоплачиваемым овертаймом, но даже он озаботился состоянием моего здоровья, строго поинтересовавшись, не принимаю ли я «вещества». Получив отрицательный ответ, заглянул в мои зрачки и, удовлетворившись увиденным, напомнил, что по пятницам мы работаем до последнего клиента, и что мне нужно взять дополнительную смену.

Дробление рабочего дня на четырехчасовые смены – его персональное ноу-хау, изобретение, помогающее не платить положенные законом 50% за каждый отработанный сверх нормы трудового дня час. Хочешь, бери дополнительную смену, не хочешь, не бери, но, в таком случае, назавтра увольняйся. Поэтому я беру и пропадаю на работе, проживая свои дни в тёмном баре и людских страстях.

Свой двадцать пятый День Рождения отмечаю с родителями в их доме – рестораны и всё, что на них похоже, до одури надоели на работе. Мать приготовила хороший ужин, Дэвид запасся вином и улыбками. Мне удалось прожить целый час в относительном благополучии, пока они не сообщили ЭТО – свою грандиозную новость.

– Ева... у нас в семье намечается важное событие... – мать мнётся и словно никак не может решиться.

– Да, мам. Говори уже!

– Дамиен женится в декабре.

Alexis Ffrench – Bluebird

Scott Helman "Machine"

Мир рухнул. Пыль и пепел пожаров заполнили атмосферу, навсегда скрыв солнце. В моей душе теперь навеки поселилась ядерная ночь. Краски плывут, стекают обильными подтёками, смешиваясь в серую жижу и не позволяя видеть.

– Венчание запланировано сразу после Рождества в Риме, никак не запомню название Собора... Так что нас на Рождество не будет, если только ты не захочешь поехать с нами, – мягко и как-то надрывно продолжает вместо матери Дэвид.

Пауза. В родительском доме виснет долгая непреодолимая пауза. Ни у кого нет слов или же просто сил их произнести. Я решаю быть круче всех:

– Меня не приглашали.

Первая же мысль, которая приходит в голову: «Вот, что он чувствовал».

Боже, ему было больно. Нет, это не боль, это истязание, отключающее сознание.

Лицо нужно держать, пусть и каменное, но чтобы без слёз и признаков душевного упадка. Хотя, поздно – они уже на глазах.

Как женится?

Как?

Уже?

Так скоро?

Он же не собирался!

Считал, что рано!

Да, женится. А как же иначе? Люди женятся, Ева. Они не живут в отчаянии вечно и не обрекают себя на одиночество ради твоего душевного комфорта.

На ком он женится? На ком?

– Ты видела его невесту? – спрашиваю мать, потому что в эту секунду моей жизни мне плевать на Дэвида. В этой своей трагедии мне необходима поддержка матери, женское понимание.

– Конечно...

С лицом матери творится нечто невообразимое, Дэвид прячется за очками и усердным переливанием коньяка в свой бокал.

– Какая она?

Мой голос твёрдый или жалкий? Сложно понять и услышать себя со стороны.

Мать набирает в грудь воздуха, чтобы выдать:

– Ты её знаешь, Ева.

– Да?! – удивляюсь.

Я бы не хотела её знать. Никогда. И всё же знаю. Кто бы это мог быть? Догадка выпивает остатки рассудка. С силой затягивает их в узкую трубочку, не позволяя дышать.

Не может быть.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Так нельзя!

Так нечестно!

Это неправда!

Неправда!

– Мы с Меланией вместе выбирали платье, – мать пытается вернуть радость в это событие. – Кольца они заказывали в Италии, какие-то эксклюзивные с камнями. Новая мода! – закатывает глаза. – У нас были обычные. Да, Дэвид?

– Кольца не имеют значения. Как и всё прочее, – сухо отзывается мой биологический отец.

– Всё имеет значение, Дэвид, – тихонько не соглашается мать. – В свадебное путешествие решили ехать не сразу, а в апреле, как потеплеет. Да и зимой Дамиену не вырваться – заканчивает съёмки второго фильма. Начинается самое сложное – монтаж. А дети хотят провести хотя бы месяц-два в Европе, погостить у мамы Мелании. Нас тоже приглашали! – в её голосе воодушевление. – Мел планирует зачать там первого ребёнка, смешная!

Я чувствую слёзы. Проклятые слёзы и душераздирающую боль. Стол, тарелка, бокал, салатница с зелёной бурдой – всё плывёт перед глазами.

– Ну что ты, что ты, милая! – мать вскакивает со стула, подбегает и обнимает мои плечи.

Дэвид трёт под очками глаза.

Глава 9. Упасть и не подняться

Nick Mulvey – We Are Never Apart (Audio)

На Рождество в «Шестидесятых» сумасшествие. Тёмный бар набивается обездоленными, брошенными, отвергнутыми, не нашедшими своей пары, чтобы одиночество ненароком не убило их в самую святую и «семейную» ночь в году. Ну и, конечно, вся эта публика так же отчаянно пьёт, как и страдает.

В последующие после праздника дни наплыв не стихает – Рождество слишком болезненное явление, чтобы пережить его за одну ночь. Я добровольно вызываюсь работать во все три смены и каждый день, что несказанно радует моего начальника, однако заставляет думать, что у меня не всё в порядке с головой:

– В чём твой секрет? – интересуется причинами моего неадекватного трудолюбия.

– Деньги нужны.

Я не вру, они всегда нужны.

– Ну-ну, – не верит.

А я просто помню о ТОМ дне. Двадцать седьмое декабря – день, когда он навеки отдаёт ей себя.

И этот день, вернее, ночь (потому что в Риме – утро двадцать седьмого декабря, а у нас – вечер двадцать шестого) проходит в рабочем угаре. Я не пью, держусь, потому что

знаю – в любой момент может позвонить мать или Дэвид. Но никто из них не звонит, очевидно, из-за насыщенности их свадебного графика. Я только получаю утреннее сообщение о том, что перелёт прошёл «без сюрпризов и эксцессов».

Домой приволакиваю ноги к пяти утра, стараясь ни о чём не думать. Заваливаюсь спать, не принимая душ – сил нет. Мгновенно проваливаюсь в сон, пока едва не подскакиваю от щелчка пришедшего сообщения.

Смахиваю, открываю послание и вижу то, отчего моё сердце перестаёт биться. Оно не выдерживает и трескается, кровоточит.

На экране смартфона светится счастьем и благополучием знакомая пара в свадебных нарядах: мой родной брат и его прекрасная, почти неотразимая супруга Мелания. Дамиен в тёмном костюме, странным образом подчёркивающим глубину его глаз, в руках невесты букет белых лилий. Свадебное фото в полный рост на фоне алтаря и пышного цветочного убранства церкви, а под ногами молодожёнов почти незаметно для незнающего взгляда растоптаны алые цветы. Маки.

Спустя мгновение ещё сообщение:

Mel: «Помнишь, я говорила, что буду его женой? Запомни: я всегда держу слово и никогда не изменяю своих планов.»

Eva: «Иди к чёрту!»

И получаю смеющийся смайлик. Хохочущий, мать его, до слёз.

– Сууууууукаааа!

Это слово слышали все соседи, и те, которые на дальних улицах, тоже. Но ругательств, очевидно, мне показалось мало, и я совершила кармическую ошибку, набрав в смартфоне судьбоносное пожелание:

«Желаю вам бесплодного брака. Пусть каждая ваша попытка будет такой же пустой и бесполезной, как ты сама!»

Я не отправила это сообщение, хватило ума вовремя остановиться. Однако послание, сделанное в сердцах, всё-таки улетело в Космос, и было услышано там, где принимаются решения и вершатся судьбы.

Горькие, солёные, слишком обильные, чтобы назвать их слезами, реки бегут по моим щекам, сползая к горлу и за шиворот. Я растираю их ладонями, тщетно стараясь избавиться – это практически невозможно, их слишком много, и слишком активно производят их мои глаза.

Нет, мы с Дамиеном не родственные души, а гораздо больше – между нами связь. Наверное, именно та необъяснимая взаимная тяга и умение чувствовать другую душу, какие и бывают у близнецов. И эта связь приняла необычные формы: мы даже ненавидели друг друга не так как все, а с особой изощрённостью. И полюбили точно так же – до боли в костях, в каждой клетке, в каждой мысли в разлуке, вдали друг от друга.

Как часто мы лжём себе! И я лгала. Сколько раз думала о ненавистном Дамиене, живя в изгнании? Нет, не тысячи!

Я думала о нём каждый день, я засыпала с мыслями о нём. И это не были воспоминания о наших военных действиях и взаимных обидах, нет. Я беспокоилась о том, как он там: даст ли отпор придурочному Ли с соседней улицы, как хорошо будет играть на соревнованиях и выбросит ли из своей жизни весь ненужный хлам, чтобы заметить главное – то, что я нуждаюсь в нём. Нуждаюсь в его времени, внимании, улыбке, заботе. Хочу, чтобы защищал меня в школе и никогда не целовал других девчонок. Он всегда был симпатичным, и я всегда боялась и млела от его взглядов. Наверное, именно поэтому так и усердствовала, прикрываясь ненавистью. А ведь он хотел поговорить, выяснить, с чего между нами возникла эта вражда.

Да, где-то в том самом возрасте, лет в одиннадцать, когда мало что понимаешь в собственных чувствах, я и влюбилась в него, моего Дамиена. Моего кровного брата.

Я иду в церковь. Наши церкви – совсем не то, что в Европе, они – просто дома с просто картонными стенами. Как бы мне сейчас хотелось оказаться в какой-нибудь часовне в Италии, сидеть на дубовой лакированной лавочке с резными перилами, разглядывать золотую деву Марию в специальной нише и других святых, нарисованных на стенах и потолке, слушать тихую органную музыку и думать о жестокости жизни.

Смотрю на унылое, серое помещение, угрюмый алтарь и прошу у Бога прощения за слова, написанные в сердцах:

Боже, пусть он будет счастлив! Даже если с ней... пусть он будет счастлив. Дай ему сына, Господи! Он ведь так хотел сына... Пусть они оба будут счастливы...

И уже на пути домой вспоминаю, что ничего не попросила у Бога для себя.

Глава 10. Четыре месяца спустя

Lana Del Rey – Mariners Apartment Complex

Дамиен обожал мороженое. Он был буквально «мороженовым аддиктом». А любимый его сорт – вообще отдельная история: это магазинная линия РС, выпускающая буквально всё, от носков и гвоздей до самого вкусного, с точки зрения Дамиена, мороженого. Мраморное месиво из ванильного, шоколадного и арахисового слоёв, с вкраплениями уменьшенной копии популярного в Канаде шоколада с арахисовым маслом. Когда я впервые положила кусочек в рот, мне показалось, у меня склеились зубы. Три ложки, и мой желудок возмущённо фыркнул: не ешь этот сахарный жир! Или жирный сахар?

А Дамиен уплетал за обе щёки, сладострастно облизывая губы и икеевскую специальную ложку, которой удобно делать шарики. Только он эти шарики отправлял прямым в рот.

– Как тебя до сих пор не разнесло-то от такого... мороженого?

– Я спортом занимаюсь! И... сексом! Знаешь, сколько калорий сжигается за один сеанс?

– Сколько?

– Много! – отвечает с умным видом. – Это ты лежишь... ну, или стоишь, а я-то... о-го-го! Мне силы нужны!

Тянется губами, и я не без удовольствия их облизываю, не замечая, как шуточный поцелуй перерождается в глубоко интимный, чувственный. Мой язык нежно поглаживает его сладкий и холодный, затем наоборот. Это даже круче, чем целоваться губами.

– Ты такой сладкий, – признаюсь, улыбаясь в его губы.

– Ну вот, видишь!

– Но к тридцати годам станешь круглым, как бегемот!

– Но ты же всё равно меня не бросишь? Как же ты без меня? – мурлычет, самоуверенно целуя меня в нос.

LASTLINGS – VERONA

Clann Her & the Sea

Тяжело без тебя, Дамиен. Невыносимо. Невозможно. Нечеловечески больно. И я, кажется, не справляюсь: медленно, но уверенно загибаюсь.

Не я бросила тебя, не ты меня. Мы отвергли друг друга, ибо нам сказали, что мы не можем. И мы с тобой, действительно, не могли, причём оба.

Вздыхаю, вытирая губкой пятна с чёрной глянцевой поверхности стойки. В иные времена убила бы дизайнера, придумавшего её: такая поверхность требует отдельной должности пятнотёра в нашем баре! Но за неимением одного данную малопочётную обязанность приходится выполнять самой. Удивительно, но мне наплевать. Как и на звякнувшую в приветствии нового гостя дверь. Как и на метнувшуюся к столику у окна Шиву. Как и на её совершенно по-особенно-

му учтивый, даже почти заискивающий голос. Эта индианка, впрочем, всегда облизывает клиентов сверх меры, а меня, глядя на её лицо, всегда мучает истощное желание взять самую жёсткую мочалку и попытаться отмыть его добела. Нет, я вовсе не расистка. И африканку Рамину не имею желания отбелить, но вот Шиву почему-то иногда очень хочется.

– Бутылка воды с газом и долька лимона за пятый столик, – сообщает своим невыносимым акцентом прямо около моего уха.

– Бутылка с газом и лимон, – машинально повторяю за ней. И поднимаю глаза...

Конечно, это ОН! Мой любитель самодельного лимонада и мороженого с шоколадными таблетками и арахисовым маслом. Вернее, давно уже не мой. Давно.

Я не могу дышать – забыла, как. Не помню, где нахожусь и зачем. Стою неподвижно, вцепившись руками в натёртую до блеска стойку, не в силах отвести от родного лица глаз. А с того, с другого берега, также неотрывно смотрят на меня, и я вижу, как медленно, неумолимо, почти по-детски радостно самые сексуальные в мире губы растягиваются в улыбке.

Есть нечто особенное в наших взглядах. В том, как фантастически идеально и полно всякий раз происходит их «стыковка». «Клик» – он всегда есть, и ему нужно лишь одно мгновение, одно, пусть даже случайное, касание наших взоров. А сразу за ним – сердцебиение космонавта на старте ра-

кеты: где-то в горле, стремительно удвоив или даже утроив размеры, скорость, силу ударов. Сколько лет я не вспоминала о нём? Забыла даже, что оно есть у меня.

Дамиен так сильно изменился внешне, что я, скорее, узнаю его сердцем, нежели глазами. Холёный, статный, дорого одетый. Его волосы пострижены и уложены модно, но в то же время в уникальном собственном стиле – всегда длинная выющаяся чёлка, терзающая женский пол безумным желанием вцепиться в неё...

На нём джинсы и элегантный пиджак, ни к чему не обязывающий, но кричащий об обеспеченности. Я сотни раз видела Дамиена на фото в сети, по телевизору, засмотрела до дыр ролики на YouTube с кинопремьер, интервью и просто эпизоды его личной жизни, подсмотренные папарацци. Последнее – самое болезненное, безжалостный инструмент пытки для мазохиста. Висящая на его руке Мелания в шикарных платьях от самых прославленных кутюрье была не так удушающе болезненна, как их интимные поцелуи и ласки в какой-нибудь затерянной кафешке на малоизвестной улице Парижа, где Дамиен неизменно в бейсболке и тёмных очках, а его спутница в очередном немислимо дорогом, но теперь уже повседневном костюме.

«Несравненная королева стиля Мелания Блэйд со своим супругом гениальным режиссёром Дамиеном Блэйдом»

«Сладкая парочка замечена в Портофино, но задержалась на несколько дней в маленьком городке Риомаджоре»

«Папарацци поймали Дамиена Блэйда за занятием любовью со своей супругой на частном пляже недалеко от живописного городка Портовенере» – гласили заголовки.

И вот он, прославленный, zalюбленный публикой едва ли не до смерти, явился собственной персоной в мой бар, в старый добрый даунтаун Ванкувера. Сидит за столиком номер пять у окна и смотрит на меня в упор. А я обдумываю одну единственную мысль: «Неужели случайно зашёл?»

Подходить страшно. И больно. Но он пришёл ко мне, мой Дамиен, родной и чужой одновременно. Я делаю шаг в его направлении и предупреждаю Шиву:

– За пятым столиком мой знакомый, я разберусь сама. Я ненадолго, минут на пять. Клиентов всё равно пока нет.

Получается, наконец, дышать. Но руки потрясывает, кожа на шее горит, и я знаю – это алые пятна, моё новое «приобретение». Нервы стали ни к чёрту.

Я иду медленно, всеми силами стараясь если не успокоиться, то хотя бы выглядеть достойно. Дамиен, увидев меня, начинает снимать пиджак и улыбается ещё шире, искренне и довольно сощутив глаза. Не знаю, почему, но этот жест – избавление от пиджака, словно говорит мне: «Я тут надолго!». И мне мгновенно становится легче, напряжение ослабевает, в висках уже не так шумно пульсирует кровь.

Я тоже улыбаюсь: просто не могу удержать на лице запланированную серьёзность:

– Привет! – ставлю на стол его воду и лимон. – Неожиданно!

данно!

– Привеет! – тянет. – Мама сказала, где ты работаешь, – сознаётся, улыбаясь.

И во взгляде столько мягкости. Столько до изнеможения знакомой нежности... что мне вдруг становится невыносимо больно. Отворачиваюсь, чтобы он не видел моё перекошенное лицо.

– Интересно, ты сейчас мою мать имел в виду, или...

– Наверное, нашу, – отвечает просто.

– Тебя уже отпустило? – решаюсь, наконец, снова взглянуть в его глаза. И тут же тону в их карей зелени.

– А тебя?

– Я первая спросила.

– Просто стараюсь быть реалистом и идти вперёд, не оглядываясь.

– У тебя получается. Поздравляю!

– Спасибо. Я рад, что... тебе не всё равно! – продолжает с той же ласковостью.

Наши взгляды вновь встречаются, и мы впервые за долгое время находимся настолько близко физически.

Годы прошли, годы. Сколько? Ещё два с половиной. За это время он снял свой нашумевший фильм, прославился, разбогател и женился. А я?

– У тебя всё успешно не только в профессиональном плане, но и в личном. Прогресс, так сказать, налицо! – язвлю.

Но Дамиен словно не замечает:

– Я стараюсь смотреть на жизнь трезво... – осекается.

Меня словно током бьёт от этих слов. Он всё обо мне знает. Всё! Спасибо мамочке.

– Прости, я не это имел в виду! – вскакивает из-за стола.

Он не хочет меня обижать, явно не за этим пришёл.

– Я хочу забрать тебя отсюда прямо сейчас, – сообщает, немного успокоившись.

– Не могу, у меня смена.

– А я договорюсь с твоим начальством!

И в этот момент его рука касается моей руки... Господи, я только теперь вспоминаю, что этот парень, вернее, уже мужчина – мой родной брат.

Глава 11. Что такое забота?

Jesse Marchant – Sister, I

PLGRMS – Fools And Their Gold

Дамиен

Я разбогател, прославился. Успех избаловал меня, даже развратил, превратив в холёного сноба. Неудачи позволяют сохранять в душе баланс, освобождая место для человечности, но я успешен во всём, к чему не прикоснусь. Будто продал душу дьяволу, словно отказался от неё, променяв на все блага мира. И я даже знаю, когда это произошло: в тот самый день, когда я вычеркнул из жизни девушку, по имени Ева.

Я старался проживать каждый свой день так, будто её никогда и не было, женился, путешествовал по тем же местам с женой, занимался с ней любовью в тех же местах, что и с Евой, даже в тех же самых отелях селился. Я сделал всё, что смог придумать, выбросил все до единой вещи, которые о ней напоминали, даже вывел татуировку. Но договориться с собой так и не смог.

Тянет. Тянет прикоснуться, дотронуться пальцами, ладонями ощутить тепло. Тянет подойти, склониться, зарыться носом в её волосы или прижаться губами к коже на изгибе шеи и вдохнуть полной грудью. Я не пробовал кокс, но видел, как это делают другие. Мне не нужен наркотик, чтобы знать, как он действует – у меня есть мой Опиум. Был Опиум.

Господи, как же тяжело...

Её запах... тот самый, который я так старательно пытался забыть, заполняет сейчас мои ноздри и давит на мозг первобытным желанием. Я помню вкус её губ и не только их. Помню, как часто и ускоренно, как у забежавшегося ребёнка, билось её сердце после очередного оргазма. Каждый раз в постели с ней я старался, стремился превзойти самого себя, настолько мне было важно ей нравиться. Наверное, хотелось удержать и не отпускать до самой своей смерти, которая, я был уверен, случится первой. Да, был уверен, потому что представлять свой мир без неё, было страшно. До ужаса, до умопомрачения боязно. И из этого страха родилось стремление на грани потребности её защищать, чтобы сбегать для себя.

И вот уже больше шести лет прошло с той ядерной в моей жизни ночи. Шесть лет без неё.

Волосы спутались и прилипли к потрескавшимся губам. У неё одна из крайних стадий истощения, и я в ужасе от того, что мать ни слова мне не сказала. Её, чёрт возьми, мать! Не моя! Не меня она растила, не меня учила ходить, есть, говорить, читать, петь и танцевать. Она была настоящей матерью только для Евы, хоть и появилась в моей судьбе задолго до той злополучной ночи. И тем сложнее мне понять её сегодняшнее равнодушие к собственной дочери. Иногда мне даже кажется, что Энни лучше относится к Мелании, чем к Еве. Как будто даже любит её больше. Они проводят вместе

время, соприкоснувшись в тысяче общих точек, а вот когда мать и родная дочь в последний раз говорили по телефону – вопрос, на который не будет ответа. И я даже не могу найти объяснения, почему соврал Еве: о её проблемах рассказал мне отец, он же подсказал, как найти и как поговорить самым правильным способом.

Мне удаётся украсть её прямо посередине рабочего дня, сунув пять сотен администратору, чтобы избежать шума и ругани – не хочу, чтобы мои действия травмировали её. Мы едем в Западный Ванкувер наслаждаться весной, набережной, солнечным днём и скупостью часов, отведённых на эту встречу: вечером у меня рейс в Европу, к жене.

Ева молчалива, больше говорю я, а она только улыбается, выслушивая мои истории. Я вижу в её глазах восхищение и... боль. Очень хочется вытравить её оттуда, выместить, выжечь, устранить, но как это сделать, я не знаю.

RHODES – Sleep Is a Rose

Беру Еву за руку, потому что с самого начала встречи боролся с желанием прикоснуться. Хотя бы раз, хотя бы вот так – подержать её ладонь в своей. Но этот скромный жест даёт мне гораздо больше: Ева внезапно перестаёт сдерживать себя и обнимает: обхватив обеими руками мою спину, уткнувшись лицом в шею, прижавшись к груди. Она плачет, а я никак не могу найти слов, чтобы утешить её. Мне тяжело справиться со своими собственными эмоциями: они душат, давят, терзают, угрожая стабильности и самоконтролю

– так хочется сжать её ещё крепче и спрятаться где-нибудь в укромном месте от всего мира.

Но вместо этого я говорю ей то, что должен сказать:

– Ты никогда не была слабой, Ева. Ты всегда была сильной. Сильнее меня. Умнее. Отважнее. Ты должна справиться. Обязана.

– Кому обязана? – шепчет своими потрескавшимися губами.

– Мне.

Она понимает. Понимает и плачет. А я обнимаю. Обнимаю так же крепко, и так же забывая обо всём, как и тогда, в нашей сладкой юности. Именно сладкой она была, наша молодость, кремово-мраморной с вкраплениями арахисового масла. И повторения этому уже не будет. Никогда не будет, поэтому сейчас, в это мгновение, я прижимаю губы к её виску, вдыхаю запах волос и закрываю глаза, даже сжимаю их, как и своё чокнутое сердце, чтобы не сорваться. Чтобы не обрушиться со всем своим грузом, со всем законсервированным багажом тоски, сожалений, переосмыслений в сливочные поцелуи с клубничной начинкой и кусочками горького шоколада.

Моего любимого горько-сладкого шоколада.

– Ты должна быть сильной, Ева. Должна.

Она кивает. Соглашается.

– Тебе нужно учиться, получить образование и найти себя. Подняться над тем, что так затягивает, оторваться. Не

для успеха, Ева. Для самой себя, чтобы жить.

– Это твои деньги на моём счету?

– Нет, твои. Пообещай, что больше не вернёшься в этот бар, в эту дыру. Тебе в нём не место, Ева! Вспомни, о чём мечтала в юности, что тебя увлекало, просто выбери направление. Тебе всего лишь нужно сделать шаг, а затем просто двигаться. Наступит момент, и ты поймёшь, что жизнь продолжается. Так было со мной, так же точно будет и с тобой. Просто дыши, Ева. Дыши. И ты всегда знаешь, где меня найти.

– Я звонила...

– Когда?

– Не помню уже... но трубку подняла она.

Я закрываю глаза, невольно проклиная супругу.

– Она больше никогда этого не сделает. Когда в следующий раз ты позвонишь, услышишь мой голос. Только мой, поняла? Ты знаешь, что можешь просить меня о чём угодно, обо всём. Знаешь ведь?

Снова кивает, крепче прижимаясь щекой к моей шее. И я не смогу оторвать своих рук, если она не сделает это первой.

Глава 12. Дружба

Ева

Talos – In Time

Axel Flóvent – Lighthouse

Я поступила в Институт Фрайзера на факультет психологии, ведь Дамиен приказал потратить его деньги на что-нибудь не просто полезное, а для души. Но самым большим приобретением, которое довелось моей душеньке получить в этом учебном заведении, оказались вовсе не знания, а дружба. Настоящая, крепкая, жертвенная, отзывчивая, наполненная человеческой любовью *женская дружба*.

Забавно, но первым, что я заметила в ней, были волосы: эдакая фантастическая грива блестящих каштановых завитушек.

– Мой папа – жгучий брюнет, мама – эфемерная блондинка, а я – каштанка! – смеясь, объяснила мне как-то свой цвет волос Лурдес.

Таких людей, как Лурдес, обычно называют «зажигалками», но в её случае даже это определение не имеет достаточно веса, чтобы отразить во всей полноте способность красотишки дарить людям свет и радость: «факел» будет более подходяще.

Она всегда приходила позже меня, вернее, влетала в аудиторию после звонка, мгновенно распространяя по неболь-

шой комнате фантастический аромат дорогих духов и ода- ривая мистера Беннера стоваттной улыбкой и коротким «Soggy». А мы, студенты – будущие психологи, психотера- певты и психиатры, наблюдали за тем, как забавно профес- сор в области болезней человеческой души не находил в се- бе сил, чтобы злиться на систематические опоздания мисс Соболевой.

Это облако курчавых волос сбивало с ног не только по- видавшего многое на своём веку преподавателя, но и очаро- вывало всех студентов без исключения в нашей небольшой группе, включая меня.

Лурдес Соболева нарушала правила. Не только институт- ские запреты, такие как опоздания на лекции и лаборатор- ные, пользование духами в «fragrance free zone» и телефо- ном в аудитории, но и негласные нормы межличностных от- ношений. У неё был своего рода «пунктик» на запретном, и я в этом убедилась, подняв тему «запретной любви».

Профессор Беннер любил отклоняться от темы семейной психологии, часто пускаясь в глубоко философские рассу- ждения. Он легко сбивался сам, поэтому чтобы направить его в нужное русло, почти не требовалось усилий. В тот день, а это было четвёртое октября, Беннер затронул тему люб- ви, отклонившись от изначального предмета нашего обсуж- дения «дисфункциональной семьи».

И я, конечно, не могла не задать свой «главный» вопрос: – Профессор, насколько реальны, по-вашему, чувства в

необычной... запретной любви?

В этот момент Лурдес, кажется, впервые меня заметила, обернувшись и уставившись во все глаза.

Беннер, несмотря на возраст и практику, тысячи, если не сотни тысяч отвеченных вопросов от любопытных студентов-диверсантов, закашлялся:

– Что вы имеете в виду под запретными чувствами, мисс Блэйд?

– Ситуации, когда люди испытывают их, но социальные и моральные нормы не допускают развития отношений.

– Как, например?..

С людьми, имеющими учёную степень в психологии, говорить очень трудно: каждое твоё слово и даже их порядок в предложении – источник информации о твоей личности.

– Например, любовь между мужчиной и женщиной, женщиной и женщиной, братом и сестрой...

Лурдес разворачивается вполоборота, чтобы иметь возможность видеть и меня, и профессора, а я читаю про себя мантру: «Не краснеть! Не краснеть! Не краснеть!».

– Надеюсь, вы имеете в виду не братскую любовь между родственниками? – усмехается Беннер, но увидев перемены в моём лице, мгновенно сменяет улыбку на озадаченность. – Некоторые вещи в нашей жизни происходят независимо от нашего к ним отношения. Войны, например. Каждый отдельный человек убеждён, что война – это чудовищно плохо, но, тем не менее, люди воюют, и воевали на протяжении всей

истории человечества. Есть вещи, на которые мы не можем повлиять, независимо от нашего к ним отношения – болезнь и смерть, например. Что именно вы пытаетесь понять, задавая мне этот вопрос, Ева?

– Я пытаюсь понять, почему такие вещи происходят. У любви, как у явления, есть объяснение – запах. Люди находят друг друга по запаху, это, вроде бы, уже доказано. Запах помогает определить идеального или наиболее подходящего партнёра с точки зрения здорового потомства. Но людей часто тянет не к «тем». И я хочу знать, почему так происходит. Что это? Сбой в программе? Нарушения в психике? Химии?

– В последнее время принято спекулировать на химической составляющей романтической любви, точнее «биохимической», – улыбается. – Слишком много значения люди стали уделять гормонам, феромонам, аминокислотам, забывая о главном: любовь слишком сложное и многогранное явление, чтобы упрощать её до химии. Вот Вам простой пример: много лет назад, к своему прискорбию, я отдал свою нежную супругу болезни. Это была та самая болезнь, которая нынче вселяет ужас и в молодых, и в пожилых. И как вы сами понимаете, любовная химия была не на стороне моей умирающей жены, как и вся остальная химия, впрочем, тоже – профессор снимает очки и зажимает переносицу, на мгновение умолкнув.

Но почти сразу продолжает:

– Однако скажу вам по секрету, моему сердцу на эту хи-

мию было наплевать. Я никогда не чувствовал всей мощи своей любви к ней так остро как в те месяцы, когда терял её. Ну так и скажите мне: при чём тут аминокислоты? Феромоны? Вы видели когда-нибудь, Лурдес, как выглядит умирающий от рака человек?

– Видела и не раз, как умирают от рака маленькие дети.

– Правда? – профессор как будто удивлён, да честно говоря, и я тоже.

– Чистая. Моя сестра работает в детской онкологии в Сиэтле в больнице при университете Вашингтона. Мне часто приходилось быть волонтером – развлекать детей.

– Это очень достойное времяпровождение, мисс Соболева. Я знал, чувствовал в Вас сюрпризы, но Вы, тем не менее, умудрились меня удивить!

– Это не в последний раз, профессор! – подмигивает ему, жеманно помахивая ножкой в красной туфле.

– Знаете, Ева, – Беннер словно вспоминает обо мне, – то, что я хотел вам сказать, мысль, которая в последнее время так легко ускользает от меня, – смеётся вместе со всей аудиторией, затем внезапно становится серьёзным. – Любовь возникает не в теле. Влечение – да, в нём. Мужчина должен желать женщину, женщина мужчину, чтобы их встреча была плодотворной. Но любовь рождается в мозгу, в нашей личности, в психике, ищущей свой остров безопасности, опору. Мы привязываемся к людям и болеем душой, теряя их. Эта привязанность рождается из взаимного притяжения, психо-

логической и личностной совместимости. Если сюда добавить вашу химию и секс – получится романтическая любовь. И ей подвержено любое существо, независимо от пола и степени родства. Две энергии сошлись в частоте напряжения, и бумс! Происходит взрыв. Если бы ваш вопрос заключался в том, позволить ли такой любви жить, мой ответ был бы: а почему нет? Нашему обществу повезло «расти», и мы уже доросли до многих свобод и научных открытий. Это я о том, что, как вы знаете, кровно родные партнёры подвержены значительным рискам в деторождении.

Я киваю головой, что знаю, мол, а Лурдес косит своими карими, почти чёрными глазами на меня.

– Я в этих вопросах не специалист, – продолжает профессор, – но если уж случилась любовь – любите! Только детей не заводите! – смеётся. – Хотя сегодня на помощь и такой любви могут прийти врачи-специалисты в области репродуктивной функции человека. Генная инженерия шагнула далеко вперёд, и эти вопросы сейчас решаемы. РЕШАЕМЫ! Главное, понять для себя, хотите ли вы их решать, и стоит ли то самое чувство таких испытаний, – пожимает плечами. – А это известно только вам. Только вам.

Глава 13. Санта-Барбара

LSD – Thunderclouds (Official Video) ft. Sia, Diplo, Labrinth karma-police kendra-morris

В кафетерии я обращаю внимание на подоконник: на нем лежит дорогой белый лэптоп. Он не мог бы принадлежать кому угодно, а лишь тому, у кого имеется достаточно денег, чтобы раскидываться подобными вещами. Его стоимость – состояние для меня, но не для Лурдес.

Подхожу, беру его в руки и убеждаюсь в своей правоте: внизу, на корпусе, имеется наклейка с именем и номером телефона хозяйки. Очевидно, она теряет его не в первый раз.

Набираю номер:

– Хелоу? – у Лурдес потрясающий голос.

– Привет. Я нашла твой лэптоп в столовой и звоню по номеру на корпусе.

– Оу! Спасибо! Вечно его теряю! Через пару минут буду! – бросает трубку.

Но даже пара минут не успевает пройти, как копна её фантастических волос появляется в кафетерии, заставляя парней сворачивать шеи и давиться своими ланчами.

– Пффф... я такая растеряха! – смеётся. – Это мне нагрузили в довесок к неотразимой красоте и блестящему уму! Ну не может же всё быть идеально в человеке!

Лурдес звонко хохочет, довольная собственным остро-

умием, а я наслаждаюсь запахом её духов: действительно, такие редко кто носит. Лурдес об этом не говорит, но все знают, что у неё очень состоятельные родители, живущие в Сиэтле, откуда и сама она родом. Забавно, но её никогда не обсуждают в курилке, а только восхищаются. Парни мечтают с ней встречаться, девушки дружить, а Лурдес всегда сама по себе, но не пропускает ни одной вечеринки и чаще устраивает их сама.

Уже через несколько часов, покончив с лекциями, мы сидим в милом недешёвом кафе и уплетаем итальянское тирамису из хрустальных стаканчиков – это одно из любимых мест Лурдес в Ванкувере, по её собственному признанию.

– А почему ты здесь, а не дома, в Сиэтле? – спрашиваю. – Вашингтонский Университет один из лучших в мире, не сравнить с нашими.

– Я здесь только на год – ради лекций Беннера, а на остальные таскаюсь просто так и от скуки, – очаровательно улыбается. – Прослушаю его курс и вернусь домой. Хотя к моей специализации он и не сильно относится, но знаешь, я считаю, что психиатрические проблемы берут начало в семье.

– Ты выбрала психиатрию?

– Да! А ты?

– Я больше склоняюсь к семейной терапии. Это интересно, – пожимаю плечами.

– Поверь! – вспыхивает Лурдес, – психиатрия ещё интереснее! Копаться в головах шизиков – это же весь кайф! – её

глаза горят. – А вот нытьё зажавшихся домохозяек не воодушевляет.

– Ты звучишь убедительно, – соглашаюсь.

– Я уже говорила про свой блестящий ум? – подмигивает.

– О, да! – и я не в силах сдержать улыбку.

– Так вот, он достался мне от несравненной мамочки – она у меня математик. Ну а... – тут она театрально изображает соблазнительный мах головой, тряхнув волосами, – моя неподражаемая красота унаследована от отца.

И снова мне смешно. Никто не умеет так непосредственно себя нахваливать, как эта девушка.

– Лурдес...

– Друзья называют меня просто Лу, – она кладёт свою смуглую кисть с большим «А» на запястье мне на руку, и я удивлена заметить, что это прикосновение мне приятно.

– Лу, вон тот парень часто таскается за тобой в Институте, и сейчас он постоянно на нас пялится. Что говорит психиатрия по этому поводу?

Лурдес бросает короткий взгляд на крупного и, надо признать, по-мужски красивого парня:

– А! Это... Ну, психиатрия скажет только то, что сей ку-десник – Люк, мой невидимый ангел хранитель! – смеётся. – Наш папа страдает фобией преследования, но, смею заметить, небезосновательно. У Соньки, моей сестры, тоже такой есть. Хочешь, кстати, познакомлю? Говорят, он хорош в постели! – заявляет с набитым ртом.

– Кто говорит?

– Девчонки на курсе, – Лурдес запивает тирамису второй чашкой кофе. – Со мной ему нельзя, я – охраняемый объект, – заявляет с деланной гордостью, чем снова заставляет меня улыбнуться.

Затем начинает издалека:

– Знаешь, в какой-то умной книжке было сказано, что человек, перечисляя что-либо, интересующую позицию называет последней, и только в том случае, если хочет скрыть свой интерес к ней.

– Ты о чём?

– О твоём вопросе преподу, – поднимает брови, изображая «многозначительность» во взгляде.

И мне не становится не по себе, наоборот: очень хочется «раскрыться».

Лурдес – тонкий психолог, прирождённый манипулятор и мисс Проницательность – бросает мне наживку:

– Знаешь, я влипла. Очень много лет назад. Думала, пройдёт! Но ни фиги... который год уже, «а воз и ныне там».

– Какой воз? – уточняю.

– А! Это из басни. Из русской. Ты ж не знаешь, – улыбается. – Короче, люблю я чужого парня. И не просто чужого, а того, с которым встречается моя любимая сестра. И вот будь она хотя бы немного стервой, я бы не запаривалась... и он даавно уже был бы моим!

Тут она самоуверенно морщит брови, давая мне понять,

что в её способностях даже сомневаться не стоит.

– Но фортуна не на моей стороне: Соня – добрая ранимая душа. Мало того, ещё и обиженная судьбой. Братец, блин, постарался, – кривится, и за гримасой я успеваю разглядеть искреннюю боль о близком человеке. – У нас ведь как получилось, мой брат Эштон, он только мне брат, а для Соньки – потенциальный партнёр. И он её вроде как... изнасиловал.

– Что? – не успеваю скрыть свой шок.

– Дааа, – тянет, поджимая губы. – Ну, никто доподлинно не знает, что у них там вышло. Но ничего хорошего, это точно.

Лурдес смотрит в окно невидящим, затянутым пеленой воспоминаний взглядом. Наживка переродилась в потребность излить душу:

– Всё сложно у нас, причём у всех. Соня до сих пор и несмотря ни на что любит его. Эштона, – уточняет, коротко взглянув на меня, словно желая убедиться в том, что я всё ещё здесь. – И живёт с Антоном. А я кроме Антона вот уже семь лет никого больше не вижу. Я – как мой папа, а он у нас – моногам.

– Твой папа кто?

– Однолюб. За всю свою жизнь влюблялся только раз, с первого взгляда и сразу до беспамятства.

– Тогда я тоже моногам, – сознаюсь.

– Оу... – вытягивает лицо. – И в кого же ты так безнадежно втрескалась?

– Не важно. Продолжай! Ты так интересно рассказываешь о своей семье. А главное, столько подробностей знаешь о своих родителях и их личном.

– А, это папа! Он любитель поговорить на эту тему и поведать душещипательную историю своей Большой любви. Правда, рассказывает только нам, детям, больше никому. А вот маман, мисс «Скрытность», редко говорит, но зато, только не смейся, книгу пишет! Ха-ха! Представляешь? Моя маман – писатель! Обхохочешься!

– Почему? Это же здорово! – я и впрямь так считаю.

– Да потому что мама моя – математик мозговывоносоед! Её студенты как чёрта боятся, такая строгая! И тут вдруг взялась писать про свою любовь... смех, да и только!

– Наверное, у неё была особенная любовь?

– Не была, а есть. Обитает по сей день под боком, Алексом звать. Это папенька мой, – сперва смеётся, потом внезапно становится серьёзной. – Ну, ей, на самом деле есть, что рассказать. История у них длинная, необычная и... сильная. Да, именно сильная: о большом и нерушимом чувстве, пронесённом через жизнь, беды и невзгоды, глупости, потери, несчастья и огромное, просто огромное счастье, в котором родилась я. Я – их кульминация! – сообщает с гордостью и звонким смехом.

– Очень достойная кульминация, нужно сказать! – тоже смеюсь. – А почему трудности, если любовь с первого взгляда?

– Ну, маман у меня специфическая личность: в юности она не согласилась стать женой отцу, потому что он не удовлетворял её требованиям безопасности, – подмигивает.

– Это как?

– А так, – Лурдес толкает свой смартфон, он скользит по гладкой поверхности стола и врежется в мою руку.

На экране я вижу фото мужчины, и у меня, надо сказать, несдержанная реакция:

– Кто эта модель?

– Это не модель, это мой отец. Здесь ему тридцать пять, и по моему скромному мнению, именно в этом возрасте он был на пике, так сказать, своей привлекательности, пока не поседел.

– Он сейчас седой?

– Не полностью, но частично да. Возраст, во-первых, а, во-вторых, поседеть ему пришлось вскоре после того, как была сделана эта фотография – маму несколько раз ударили ножом в живот, а она как раз была беременная. Ребёнок погиб и мама почти – отец её вытащил и выходил.

На фото изображён человек не просто безупречной внешности, в нём выдающаяся сексуальность. Причём в таком объёме, что глаза, скользящие по его идеальным чертам, волосам, плечам, отрываются с трудом. И сложно сказать, что именно имеет такое воздействие: его необыкновенно красивое лицо или взгляд. Лурдес почти точно скопировала своего отца (в женской вариации) и даже шарм, но не глубину во

взгляде. Странно смотреть и поражаться настолько необыкновенной мужской красоте и слушать историю его жизни, узнавать о пережитых бедах и трагедиях.

Лурдес показывает другое фото, где мужчина выглядит уже намного старше, он носит очки и от висков и дальше к затылку у него частично седые волосы. Он улыбается широкой улыбкой и указывает пальцем на нечто, чего не видно в кадре.

– Эту фотку я сняла примерно два года назад, до того, как родители уехали в Израиль. Рожать.

– Рожать? Сколько им лет?

– Матери было сорок девять. Отцу пятьдесят. Сейчас – на два года старше.

Мои глаза округляются, а Лурдес закатывает свои:

– Дааа! Я отношусь к этому точно так же. Мать, блин, на сносях на старости лет! Я чуть сама не ошалела, когда узнала!

Я рассматриваю фотографию внимательнее и вдруг узнаю на ней знакомое лицо – не раз его встречала в журналах и на телевидении.

– Твой отец известная личность?

– Что-то вроде. Эй, красавчик! Можешь уделить мне минуточку? – машет официанту, профессионально «щуря глазки».

Лурдес заказывает себе ещё чашку кофе.

– Ещё по кофе?

– Нет, мне хватит.

– Давай с коньячком!

– А здесь и такое есть?

– Здесь, как и везде, только кофе, а коньячок у меня с собой!

Вынимает из своей студенческой брезентовой сумки крохотную бутылочку:

– Одна ложечка, а вкус с обычного в момент меняется на волшебный!

Я отвечаю улыбкой на изображающее неземное наслаждение лицо моей новой подруги и соглашаюсь на кофе с коньячком. Правда вливала его Лурдес совсем не по ложечке, а от души.

– Ну, так вот, никто кроме меня не догадывался об их «сюрпризе»!

– А ты как узнала?

– Не поверишь, случайно. Говорила с матерью по скайпу и вдруг поняла, что уже несколько месяцев не видела её в полный рост. Звонит и только лицо в экран вставляет. Если кто и ходит, то только папа. Но он, типа, смертельно болен.

– Почему «типа»?

– Да потому что больным он не выглядел, а вот мать расплнела. Я сразу просекла: она в положении!

– И как, не ошиблась?

– Нет. Отец хоть и носил всю жизнь мамочку на руках, но не нудел ей в ухо, что пора уже фруктового салатика поесть.

Он как это произнёс, я сразу их заподозрила! Мать зашипела на него, а поздно – я догадливая. Он просто не знал, что я в эфире, вот и прокололся. В общем, пришлось собирать делегацию и ехать выводить их на чистую воду.

– Слушай, у тебя прямо не семья, а мексиканский сериал!

– Нееет, – тянет. – Ни разу не сериал, скорее драматическая love story со счастливым концом. У родителей только правда. А у нас... – вздыхает, – всё плохо. Ну вот скажи, какой смысл Соньке жить с Антоном, если она его не любит? А я ну вот прямо сохну! Как в мексиканском сериале, блин!

Лурдес подливает себе коньяка в кофе.

– А Антон кого любит?

– Ну, слушай... – кривится, недовольная вопросом, – он думает, что Софи – его звезда, но это полный бред.

– Почему?

– Ну, видишь ли, Бог парует людей по некоторым ключевым моментам. И вот Сонька с Антоном, они не пара, понимаешь? Софи – одухотворённо-возвышенная мадам, ей нужна драма, если любить, то какую-нибудь придурковато-калеченную личность, типа Эштона! А Антон, он такой прямой и понятный, конкретный и brutальный... в общем, Сонька никогда его не полюбит. Да и он рано или поздно упрётся в её идейность, и она точно начнёт его раздражать. И что важно: когда мне было шестнадцать, Антон меня поцеловал! Они тогда с Соней не встречались ещё, но она ему нравилась.

– И что потом? После поцелуя?

– Позвонил на другой день и извинился, сказал, что был в невменяемом состоянии. Это правда – он был пьян: у Лёхи на вечеринках они вечно в хлам напивались, но сейчас брат уже без пяти минут женатый человек и трезвенник. Так вот, главная моя мысль – Антон в ту ночь, однозначно меня хотел. Причём ооочень хотел, понимаешь, о чём я?

– Да, – признаюсь.

– Ну и вот: счастье было почти в кармане, но... – изображает страдание, – малолетство меня подкачало! Антоша не решился, оправдав своё бегство отговоркой «вовремя опомнился».

– А Лёха это кто?

– Это мой самый старший брат.

– Господи, сколько их у тебя?

– Тааак... ну смотри: моя мама изменила своему первому мужу с моим папой. Но до этого у неё уже был Лёха. Пока они были вместе, мой папа изменил моей маме со случайной девицей (ну, он говорит, что не изменял, мама от него отказалась, и он с горя начал искать, с кем бы ему семью замутить), и родился Эштон – мой второй брат. А у мамы с её первым мужем родилась Сонька. То есть Лёха и Сонька полностью родные, а со мной у них только мама общая. А с Эштоном – только папа. Поняла?

– С трудом.

– Ну вот. Потом папа начал умирать, и мама поехала его лечить, они снова спелись и она, наконец, решилась выйти

за него замуж, и почти сразу родилась распрекрасная я! – рисует нимб над своей головой.

Я смеюсь с этого представления, а она продолжает:

– Потом не понятно, что вышло, вроде папа и не изменял маме, а она сама во всём была виновата, короче, тут я сама путаюсь в их Санта-Барбаре, но у папы родилась ещё одна дочь от другой тётки – Аннабель. Поэтому, – вздыхает, – нас много. И ещё один брат – Амаэль, родился полтора года назад. С Лёхой у них разница... в тридцать лет!

Я не знаю, как реагировать на всю эту информацию:

– Слушай, Санта-Барбара отдыхает в сравнении с твоей семьёй.

– По глазам вижу, что ты запуталась, – констатирует. – Но это нормально. Мама пишет роман обо всей этой эпопее, хочет рассказать миру о своей настоящей любви и о папиной моногамной. Так что, если захочешь, когда-нибудь прочитаешь.

– Ты заинтриговала, – соглашаюсь. – Если она решится опубликовать – обязательно прочитаю.

– Я тебе пришлю копию с автографом автора, – одаривает меня широченной улыбкой. – Ну, так ты расскажешь свою love story?

– Я?

– Ты, – подмигивает. – Влюбилась в родного брата? Раз и навсегда? Никого кроме него не видишь? Не можешь устроить личную жизнь?

Я согласно киваю. Ну, а что? Смысл скрывать, если она и так всё знает?

– Добро пожаловать в клуб запретно влюблённых! – достаёт ещё одну крохотную бутылочку коньяка и разливает прямо в чашки из-под кофе. – Чин-чин?

– Спасибо за душевный приём, – поднимаю свою чашку. – Членские взносы платить не надо?

– Только откровенничать! – хитро улыбается. – Ну, рассказывай!

Глава 14. Вспышки разума и сияние надежды

Через год.

Private Show Nune

Мне двадцать восемь, а я по-прежнему игнорирую мужчин, избегая не просто отношений, но даже их взглядов: Вейран оставил «в наследство» неискоренимое чувство брезгливости. Стоит только представить любую заинтересованную мужскую особь раздетой, как меня тут же затапливает отвращением. Толкает ко дну.

Лурдес считает это ненормальным. Кажется, она даже использовала слово «отклонение», когда настойчиво советовала не культивировать в себе этот заскок. Но суть в том, что в отличие от Лурдес, у меня нет желания ни знакомиться, ни заниматься сексом, ни даже просто общаться с парнями.

Я сорвалась. Устала. Наверное, та часть моей души, которая отвечала за мораль и пристойность, утомилась повторять свои доводы, а та, что все эти годы рвалась к Дамиену, только и ждала повода, чтобы поставить финальную точку в моей внутренней войне.

Этим поводом стал фильм. Кино, снятое Дамиеном годы назад, нашумевшее, но никогда мною не виденное. Я избегала, потому что шедевр, взорвавший общественность задолго

до женитьбы мастера, был назван особенным для меня словом «Опиум». Конечно, этот фильм рассказывал драматическую историю любви, но со счастливым концом. Лурдес обливалась слезами, сидя рядом со мной – бедро в пижаме к бедру в пижаме, а я...

А я проклинала собственную упёртость и недоразвитую интуицию.

В ленте, в хронометраже, увиденном миллионами, было спрятано послание лишь для одного человека – для меня. Ну, по сюжету фильма адресовано оно было влюблённым героем героине, страдающей социопатией и неуверенностью в себе. Но из тысяч сценариев Дамиен выбрал именно тот, в котором отчаявшийся мужчина пытался достучаться до своей женщины фразой, написанной неоном на стене его ресторана:

Come back to me.

Come to me.

Come...

Вернись ко мне.

Вернись.

Вернись ...

Прочитав эти слова, я пропала. Комната закружилась вокруг моего старенького дивана, перед глазами замелькали бесцельно прожитые дни, бездарно потраченные силы.

Лурдес, громко высморкавшись в ванной, сообщила, что на сегодня с неё хватит драмы, и отправилась спать, оставив мне, как обычно, место у окна. А я, тем временем, полезла в сеть.

Свой фильм Дамиен снял по сценарию, созданному по мотивам романа писательницы южноафриканского происхождения, а ныне жительницы Сиэтла. Согласно «фактам о фильме», сценарий появился раньше выхода книги, изменив обычный закон популярности – вначале книга, за ней фильм. Тут всё вышло наоборот. В ту же ночь я купила на сайте Amazon книгу и нашла интересующее меня место – надпись. Слова в книге оказались идентичными тем, которые горели гипнотизирующим неоновым светом на тёмной кирпичной стене ресторана в фильме.

Я уловила сходство почти сразу: отчаявшийся и отвергнутый герой, героиня с предвзятым отношением к жизни, с детства лишённая родительской любви, и ресторана.

Сколько их у него? В Ванкувере, кажется, пять, мама говорила. Я никогда не бывала ни в одном из них.

Следующий мой шаг – поиск адресов и дат открытия каждого заведения под общим брендом «For you only».

Утром растрёпанная и сонная Лурдес пьёт приготовленный мной кофе и в очередной раз демонстрирует свои незаурядные психоаналитические способности и феноменальную проницательность:

– Эти строки на стене, они ведь для тебя, – сообщает осип-

шим после сна голосом.

– Не знаю.

Я не могу этого знать. Наверняка знает только он.

– Ты нарочно вчера так рано спать ушла? – спрашиваю.

– Угу, – жуёт пончики в белой глазури.

– Зачем?

– Чтобы, – проглатывает, – у тебя была возможность хорошо подумать.

– Я не спала.

Тут она смотрит с удивлением:

– Ну ты, мать, даёшь! Много надумала?

– Нашла адреса его ресторанов.

– Ясно! – её глаза горят, как рождественские огни на ёлке. – Значит, сегодня ресторанный рейд, детка!

– Я думала сама... – неуверенно ставлю её в известность.

– Ни в коем случае! Такие проекты в одиночку не выполняются!

– Я бы хотела в этот момент побыть наедине с собой, – не сдаюсь.

– У тебя будет такая возможность. Я умею исчезать, когда нужно. А когда нужно, я всегда знаю!

Это правда. Что и доказал вчерашний вечер и не только он.

Через час мы готовы. Решили начать с ближайших, а они, по стечению обстоятельств, более новые.

Во всех трёх не оказалось никаких надписей на стенах.

Но вот в четвёртом мы нашли то, что искали:

Help me up.

Help me.

Help...

Just call me!

Помоги мне подняться.

Помоги мне.

Помоги...

Просто позвони мне!

Самая первая мысль – это его крик, его зов, просьба услышать, обращённая ко мне. Сколько раз я проходила мимо этих его ресторанов, горящих неоном «Только для тебя»? Сотни или тысячи раз отказывала себе в желании зайти и прикоснуться к частичке самого далёкого и самого близкого человека на Земле.

Снова незаметно смахиваю свою слабость.

Сажу с лучшей подругой за удобным столиком у окна и перечитываю раз за разом каждое его слово, обращённое ко мне.

Лурдес молча пьёт мартини, закусывая оливками. Она не задаёт вопросов, потому что она – психотерапевт. Пусть будущий, но, тем не менее, человек кое-что понимающий в жизни, людях, а главное, в их эмоциях и чувствах.

Когда я, в конце концов, всё же прихожу в себя, она спра-

шивает:

– Это для тебя написано?

– Да, – отвечаю.

Мы снова молчим. Долго молчим, и Лурдес вдруг признаётся:

– Всё-таки невероятный он, этот твой Дамиен!

– Не мой он... не мой... – шепчу и сама себе не верю.

– Ты впервые читаешь это?

– Да. Почему спрашиваешь?

– Потому что в Сиэтле штук двадцать таких ресторанов, в каждом пригороде, почти на каждом углу. Странно, что ты не заметила эту надпись раньше.

Я вздыхаю, и Лурдес осеняет догадка:

– Боже мой... – выкатывает свои огромные карие глазницы, – неужели ты ни разу ни в один из них не зашла?

Я отрицательно мотаю головой.

– Чёрт меня дери... Ну ты кремень, мать!

Мы снова долго молчим, и я, не без усилий, всё же решаюсь спросить:

– Думаешь, стоило?

– Конечно, – отвечает, не задумываясь.

– Что, прямо в каждом его ресторане есть эта надпись?

Лурдес делает бровями многозначительное движение, раздвигая их ещё больше «в разлёт», нежели они есть от природы:

– В каждом. По крайней мере, они были там раньше, как

и в этих, Ванкуверских. Но в трёх из пяти их больше нет. Наверное, после рестайлинга их не вернули.

Или же они потеряли актуальность для владельца.

Мы едем по следующему адресу и едва успеваем войти в заведение, как я вижу на кирпичной стене строки, горящие ярким белым светом:

Don't believe in words.

Don't believe in sounds.

Don't believe in pictures and images

Don't believe people.

Trust you heart! Trust it!

Listen to me!

Find me!

Tear me out...

Save me...

Не верь словам.

Не верь звукам.

Не верь образам

и картинам

Не верь людям.

Верь сердцу! Верь ему!

Услышь меня!

Найди меня!

Выври меня...

Сохрани...

Мы с Лурдес занимаем столик у окна и заказываем еду. Я не могу поверить своим глазам, но она плачет. Беззвучно, почти бесслёзно, но плачет – этого не спрятать, как ни старайся. Возможно, не будь её, я бы тоже рыдала, но у меня слишком большой опыт в сокрытии своих чувств, слишком много практики.

– Твой Дамиен – нечто! – выплёскивает сквозь слёзы, всхлипывает и, не смущаясь, прочищает нос в кафешную салфетку. – Даже мой папенька-романтик до такого бы не додумался!

– Ну, – сухо возражаю, – Дамиен тоже не сам это придумал – украл идею из собственного фильма.

– Ключевое слово – собственного!

– Но сценарий-то не он писал. Этот жест придуман женщиной.

– Чёрт с ним, с жестом, слова-то его! И адресованы они только тебе! Боже! – всхлипывает, – это так романтично и болезненно одновременно!

Промокнув салфеткой свои покрасневшие глаза, добавляет:

– Жаль только, что в жизни у запретной любви не бывает таких хэппи-эндгов, как в книгах.

– Ну почему же, ты – пример счастливой развязки.

– Я – исключение! – восклицает. – «Старший» вмешался, а без него, сами мы бы не разрулили!

Лурдес говорит о своём отце. Каким-то чудом ему удалось встряхнуть семейную доску и перебросить фигуры на «правильные» клетки: Софи вышла замуж за Эштона, у них сейчас медовый год, а Лурдес почти месяц встречается с Антоном. И у них уже состоялся важнейший разговор о том, чтобы жить вместе. Она бы совсем растворилась в своей неожиданной счастливой любви, если бы не командировки её возлюбленного – в такие моменты она едет ко мне «болтать по душам, смотреть кино и пить коньячок».

За этот год мы успели почти сродниться. Как это вышло и почему, я и сама не понимаю. В свой День Рождения Лурдес устроила мега вечеринку, куда буквально заставила прийти и меня, и хотя я не «зажигала» так же отчаянно, как именинница, зато получила шанс познакомиться и узнать её братьев и сестёр. Это стало важным событием в моей жизни: каждый из них – необыкновенная, многогранная личность. Вообще, их семья – новогодняя ёлка, украшенная старинными игрушками ручной работы, где все без исключения – произведения искусства со своей собственной особенной душой. Ты обречён «влюбиться» в эту ёлку «однажды и навсегда».

Charlotte Day by Wilson Work

Вздыхаю, Лурдес достаёт сигарету, закуривает.

– Мисс, согласно закону в ресторанах и кафе курить нельзя! – нервно раздаётся прямо у нашего стола.

– У меня стресс, понимаешь? – Лурдес, как гипнотизёр, тарашит на него свои глаза.

Молодой официант столбенеет от тёмного, почти чёрного взгляда моей подруги с горячими, иногда кипящими испанскими генами.

– Боюсь, другим посетителям это не понравится... – вяло тянет вполне себе развитый физически и умственно парень.

Бедолага понятия не имеет, что против Лурдес у него нет шансов, ни единого.

– Объясни им, что если я сейчас не закурю, то, скорее всего, покончу с собой в вашем туалете. Жизнь придавила, понимаешь? Очередной девятый вал дерьма... Неужели у тебя ещё не было? – и смотрит ему прямо в глаза, совершая лишь один плавный взмах ресниц, и всё, мне и смотреть не нужно, чтобы знать: парниша в плену, окончательном и бесповоротном.

– Окей, ещё пару затяжек и закругляйтесь. Иначе сработает пожарная сигнализация.

– Пару затяжек и точка! – заверяет Лурдес, сексуально выдыхая облако дыма.

Официант удаляется, но та часть его, которая не официант, а просто мужчина, уже прочно прикована всем своим астральным телом к нашему столику.

– Забавный паренёк... – Лурдес выпускает очередную порцию дыма, косясь в сторону барной стойки.

– Угу, – соглашаюсь, – и симпатичный.

Глаза подруги мгновенно загораются идеей:

– Почему бы тебе не рассмотреть возможность... ну, про-

сто как возможность?

– Потому что он уже, как муха, залип в твоей ядовитой сети, и потому что у меня уже есть планы!

– Неужели?!

– Да.

– И что же ты сделаешь?

– А что бы сделала на моём месте ты?

– Я?!

– Да, ты.

Лурдес театрально откидывается на спинку своего кресла, отбрасывает гриву мелко вьющихся волос за спину и малиновыми губами распинает мою глупость на кресте своей простой мудрости:

– Для начала, я никогда, слышишь? НИКОГДА не отпустила бы его из своей жизни. НИКОГДА не отдала бы его ЕЙ. Ни одна шлюха до самой его старости не прикоснулась бы к нему, ни одна тварь не протянула бы в его сторону руку!

– Он мой брат, Лурдес! У нас одна кровь! Наши дети родились бы больными и неполноценными!

– Когда жизнь дарит ТАКОЙ подарок, любовь и желание ТАКОГО мужчины... – я впервые вижу, чтобы всё и всегда контролирующая подруга задыхалась, пытаюсь справиться со шквалом нахлынувших эмоций, – мне было бы плевать, кто он, по большому счёту. Да хоть с планеты X в созвездии Альфа Центавра!

– Знаешь, с инопланетянином, пожалуй, было бы проще.

Общество готово принять гуманоида, но вот родного брата – нет. Мы обречены быть извращенцами в глазах людей.

– А вот, скажи мне сейчас одну вещь, – Лурдес внезапно резко подаётся вперёд, растянувшись животом на нашем столе, так что её лицо оказывается прямо перед моим.

– Какую?

– Вот тебе сейчас, после всего, что с тобой было, после того, как ты узнала, что значит быть овощем, после всех мыслей покончить с собой, не всё ли равно, что скажут и что подумают люди?

Делает паузу, чтобы дать мне возможность осмыслить уже сказанное, затем вбивает гвозди в мою плоть:

– От людей можно скрыться – всегда найдётся место, где никого из вас не знают. Детей можно усыновить, можно зачать, используя ваши клетки и клетки доноров. Один ребёнок твой, один его, а выносит суррогатная мать или даже ты, но проблема изначально яйца выеденного не стоила, ты хоть понимаешь это? Проблема с самого начала была только в твоей голове, и слава Богам, сегодня, прочитав слова, мимо которых ты годами ходила, не решаясь взглянуть правде в глаза, тебя, наконец, осенило!

Лурдес снова откидывается на спинку своего кресла и снова закуривает. Красавчик за барной стойкой угрожающе вытягивается, но Лу показывает ему жестом, что мол, «две затяжки, не более. Очень нужно!» Парень кивает, слегка улыбнувшись, а подруга снова фокусируется на мне, вы-

дав очередную мудрость:

– Не теряй времени ни на меня, ни на этот город. Ты всё верно решила: езжай к нему прямо сегодня, прямо сейчас.

– Он женат. У него семья.

– Детей нет, а это уже полдела. Кроме того, посмотри внимательнее на их снимки.

Лурдес толкает ко мне свой планшет со знакомым фото:

– Видишь? Что и требовалось доказать: твой Дамиен если и спит с ней, то только каждый первый понедельник следующего за отчётным месяца. Перед нами недолюбленная женщина – практически учебный экспонат!

– Как всё просто у тебя... – думаю вслух.

– Да в жизни вообще всё не так и сложно, на самом деле! Думать надо, думать!

– И это не всегда помогает.

Затянувшись в третий, последний раз, Лурдес нервно тушит почти целую сигарету в собственном бокале недопитого martini:

– Езжай к нему. Главное теперь, чтобы не оказалось слишком поздно!

И я еду, лечу к нему, сияя надеждой, светясь миллионами планов, мыслей, идей. Я думаю о том, как обниму его, как он обнимет меня. Как попрошу прощения за свою слепоту и скудоумие. За готовность идти на поводу у норм морали, за слепую веру обществу и за собственную слабость. За то, что не слушала своё сердце, его сердце. За то, что была глуха,

когда он просил любить его. Просил словами, своим голосом и этими размашистыми белыми буквами на кирпичной стене, местами уже пожелтевшими от времени и тысяч прочитавших их людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.